

Дмитрий Гаврилов ✠ Анна Гаврилова

СМЕРТЬ ✠ ЗА СМЕРТЬ

Кара грозных богов

Анна Сергеевна Гаврилова
Дмитрий Анатольевич Гаврилов
Смерть за смерть. Кара грозных богов
Серия «Кровь на мечях», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3951765

*Гаврилов Д. А., Гаврилова А.С. Смерть за смерть. Кара грозных богов: Яуза, Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57882-5*

Аннотация

Новый исторический боевик от авторов бестселлера «Кровь на мечях»! Русские боги против крестителей. Исконная вера против чужебесия. Языческая ярь против христианского смирения.

После гибели князя Рюрика, смертельно раненного отравленным клинком, судьба Русской земли висит на волоске – светлые боги не прощают отступников и предателей, Божий суд вершится огнем и мечом, а слабость, выдаваемая за милосердие, ведет лишь к еще большей крови... Кто станет преемником Рюрика – его старший сын, готовый ради власти на любую подлость, или его верный соратник Вещий Олег? По силам ли новому князю искоренить измену и отомстить убийцам? Достоин ли он продолжить великое дело покойного друга? Не распадется ли после смерти Рюрика созданный им союз словен, руси, варягов, чуди и кривичей? Есть ли у Славии будущее? Пусть рассудят грозные боги, чей закон: СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ!

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Гаврилов, Анна Гаврилова

Смерть за смерть. Кара грозных богов

Часть 1

Глава 1

Солнце клонилось к закату, когда вдали, там, где сходятся Вышний мир и Срединный, показался знакомый берег. Ладога!

Ещё день-другой назад любой бы из корабельщиков возликовал. Но в этот раз причин для веселья, да и заздравной кормчему не было. Больно горька весть, которую несут под чёрным парусом печали.

Умер великий Рюрик. Ушёл в навь достойно, как и подобает мужчине, вождю, князю. Но это не умалит горя осиротевшей земли, не приглушит завывания плакальщиц, не высушит слёзы златовласой Силкисив.

Розмич прикрыл веки, в сотый раз представляя, как ступит на пристань, взойдёт по пологому холму, минует многолюдный город и поднимется на крыльцо княжьего терема. Как встанет пред младой княгиней и, склонив голову, поведаёт дочери о смерти отца. Отведёт взгляд и, невзирая на горячие женские слёзы, расскажет о доблести, с какой разил врагов в том последнем бою, о славной победе князя над Корелой и долгой, мучительной смерти от ран. Так велел ему строгий Олег – Одд, наречённый Стрелой.

А князь и впрямь умирал медленно, поначалу никто и не понял, что вот она – Морена явилась. Раны казались несерьёзными, а сам Рюрик посмеивался: ещё одно сражение записано в памяти множеством пустяковых рубцов. Да, это сражение забудут не скоро, но виной тому не шрамы, а смерть лучшего из князей! Что теперь будет с его землями и людьми – только боги ведают. Обрушат ли они на головы смертных все неудачи мира? Или новый владыка примет на себя тяжкий груз?

Когда лодья подошла к пристани, на берегу уж толпился народ. Ладожане пожирали корабельщиков взглядами, особо нетерпеливые выкрикивали – что да как. Но Розмич, поставленный старшим, велел спутникам держать язык за зубами – скорбную весть положено узнать сперва княгине, после – всем остальным. Даже примчавшимся на берег дружинникам, из числа тех, кто под началом мудрого воеводы остался для защиты города, ни слова о гибели Рюрика не сказали...

Сумерки сгущались, были похожи на кисель. Но Розмич вознамерился тут же повидаться с Силкисив. Хотя и не принято поминать смерть ближе к ночи, а тянуть без толку. Княгине уже донесли о лодье, и не явись вестник сразу, сама поймёт. И не столько поймёт, сколько навывдумывает – бабы, они такие. Решит, что не отец, а муж любимый пал, ненароком весь терем взбаламутит, за ним – и всю Алодь-Ладогу.

Муж Силкисив – Олег, волею Рюрика наместник в этой земле. Зеленоглазый мурманин правит справедливо, народ его поболее старого князя любит, едва ли не молится. Уважает Олега и всяк северянин, и варяг, и словен.

Если о Рюрике Новгородском бабы да ребятня просто поплачут, то над известием о гибели Олега белугами взвоят. А ведь когда-то, скоро уж двадцать лет с тех времён выйдет, многие земляки нос воротили, называли мурманскую кровь нечистой...

Напоследок Розмич подозвал друга – невысокого, вдумчивого дружинника по имени Ловчан, шепнул на ухо:

- Узнай, где найти купца Жедана. И про лодью его расспроси.
- Узнаю, – пообещал тот. – Расспрошу.

Эта тонкая, статная женщина с золотыми косами и огромными синими глазами всегда восхищала Розмича. От того, что именно ему поручили стать вестником её горя, дружиннику делалось дурно. Он старался говорить как можно мягче, расчётливей, но в таком деле сколько ни смягчай да ни подбирай слова – не поможет.

Силкисив слушала рассказ мужнего гонца, как и положено княгине – молча, с каменным лицом. Только предательские слёзы застилали её небесные очи и изредка скатывались по щекам, выдавая нестерпимую боль любящей дочери. Много позже, когда рядом останутся только ближние, позволит себе разрыдаться по-настоящему, запричитать. Но пока сидит в резном кресле, пока голову стискивает княжеский венец, будет изо всех сил притворяться холодной.

– А что Олег? – спросила она, помедлив.

– Олег и Вельмуд созывают общий сход. Прежние клятвы, те, что вожди Рюрику давали, подтвердить хотят сызнова. Вся варяжская дружина Рюрика уже Олегу присягнула, потому как Удача к нему боле иных добра. Старшим теперь Инегельд.

Розмич даже обрадовался, что дозволено уйти от скорбной вести, и стал перечислять, куда да кто из знакомых Олеговой жене бояр да дружинников направился. Этот – к кривичам в самый Полоцк. Другой – уже на пути в стольный Новгород, к сводной сестре Силкисив, хотя та ещё, считай, девочка. Вельмуд – князь всей ильмерской Руси – и так всегда при Рюрике был. В Мерь да Чудь старый Валит вызвался сходить, хоть и дальняя, но родня...

Княгиня прервала его рассказ:

– А ты?

– А мне дорога вышла к вёси¹ – в самое Белозеро. Полата звать.

– Брата? Зачем?

– Прости, княгиня, про то сам сказать не могу. Князю Олегу клялся на железе, что исполню всё, как им задумано...

Силкисив, так называли её мужнины земляки, хотя родичи именовали Рюриковну Златовласой. Княгиня не видела младшего брата с того скорбного дня, как хоронили золовку Едвинду и маленького Ингоря. Боги забрали обоих внезапно, в седмицу². Сначала – дитя, после – мать.

Херрауд и Ингорь родились в один год, но навий властитель лишил Рюрика и жены, и младшего сына. А Олегова отпрыска пожалел.

Она хорошо помнила прошлогодний злосчастный травень³, как в считанные дни угасла Едвинда, сражённая внезапной гибелью своего мальчика, враз постаревшего Рюрика – с полдороги вернувшегося из похода на Корелу...

А Полат, оказавшийся в ту пору на съезде князей в Новгороде, и не скрывал от неё злобной радости. Силкисив попрекнула брата.

Но он припомнил в ответ, как много лет назад, когда восстал Вадим, может, сам Рюрик, а может, и Олег заманили мятежников в новостроенный княжий город и истребили всех. При этом Силкисив и Полат успели укрыться в детинце и сумели пережить набег поддавшихся на уловку воев Вадима. Да их мать лишилась головы под топором неистового Беса...

¹ Веси – финское племя, веси белозёрская, упомянута в древнерусских летописях в связи с событиями 859, 865, 882 гг. Вепсы – остатки этого племени, малая народность, известная и по сей день.

² Седмица – здесь и далее четвертая часть лунного месяца, в будущем при христианстве «неделя», поскольку седьмой день становился для «ничегонеделания».

³ Травень – славянское имя мая.

– Это сами боги мстят князю за давние несправедливые дела! – говорил Полат. – Кабы нас не хранили, и мы бы пали в тот день.

Силкисив не верила в изощрённый хитростью ум отца. Чтобы вот так, да собственную дочь в качестве наживки? А мужа побоялась спросить о том и тем оберегала от гнева обоих собственного брата.

Но вот уж не минуло и пары лет со смерти Едвинды, как грозные небожители приближают и самого Рюрика...

Княгиня вздрогнула, смахнула накатившую слезу:

– Ничего Олег боле не велел на словах передать?

Розмич понизил голос и приглушённо ответил:

– Сказал, чтобы за сыном Херраудом пуще прежнего следили б. И прежде чем кормить, сами бы пробовали на вкус.

– Да вроде бы и так... – начала было женщина, испуганно глянув на посланца.

Но Розмич приложил к устам палец и произнёс:

– Князь вскорости уж вернётся, как справит тризные дни... И обо всём поведает.

– Тогда в добрый путь! Боле не держу... – молвила Силкисив, задохнулась, но, приложив ладонь к груди, всё же справилась с горестным криком, готовым было вырваться наружу. – Да хранят тебя боги, Розмич! – проговорила княгиня и знаком отпустила дружинника.

Едва тот вышел за порог, подскочила девка-прислужница. Поклонившись в пояс, прошептала:

– Тебя, доблестный воин, видеть хотят.

– Кто? – нахмурился Розмич.

– Дело Белозера касается, – невпопад ответила девка и заторопилась прочь. Через пяток шагов остановилась оглянуться.

«Вот уж... княжий терем! – с досадой подумал дружинник. – По тесной деревенской избе вести разлетаются куда медленней!»

Розмич не сомневался – за ним прислал кто-то из знати, вхожей в княжий терем. Он за Олеговым поручением мог отказаться от навязанной встречи, но больно любопытно стало – кто же столь проворен и хитёр, что сумел услышать тайный разговор. Да и храбр к тому же: трус не станет звать на встречу вот так, сразу.

К великому удивлению воина, девка привела в горенку. Не убогую, но слишком простую, чтобы с ходу опознать в ней прибежище первой жены князя Олега.

Она стояла посреди. Высокая, в меру пышнотелая, одетая по обычаю своей страны – в длинное цветастое платье с узкими длинными рукавами, поверх которого была рубаха плотной ткани с откинутым капюшоном. Плечи окутывало покрывало, расшитое серебряными и золотыми крестами.

Волосы заплетены в косу, собранную на затылке, гордо вскинутую голову вместо княжеского обруча венчает диадема, каких в славянских землях не найти. На белом лице россыпь конопушек, да в тусклых зелёных глазах – тоска, которая никак не вяжется с семью радужными цветами дорогих одеяний.

Прежде Розмич видел Риону всего пару-тройку раз и то мельком. Рыжеволосая женщина жила чуть ли не затворницей, с осуждением смотрела на варягов да словен и их обычаи. Народ сперва удивлялся, после – злился, не понимая, почему дочь заморского властителя таится от людских глаз, подобно ночной нежити. Остыл, прознав о горькой её судьбине...

Сам Розмич считал судьбу Рионы непримечательной: ну влюбилась дочь скоттов⁴ в зеленоглазого Олега-Одда, ну приехала вслед за ним в дикие земли словен, и что? Знала ведь – не быть ей единственной. Не бывает так, чтобы у князя только одна жена! И нет ничего особенного в том, что Олег взошёл на ложе с другой. И если кто и виноват, что любит Рюриковну крепче зеленоокой – первой, так это она же сама, Риона. Девочку родила – не сына, а у Силкисив сразу Херрауд родился. Впрочем, горевать тут вообще не о чем – дела житейские.

Дружинник совершил положенный поклон и замер в ожидании.

Княгиня не спешила говорить, мерила Розмича внимательным взглядом, будто решая, достоин ли тот услышать волшебный голос. Наконец Риона произнесла:

– Ройзмич. Ты отправляться в Белозеро?

Воин кивнул и невольно поморщился: княгиня не сильно коверкала слова, но было ясно – по-словенски говорит редко.

– Я просить... услуга, – продолжила Риона. – Ултен, кульдей из моя свита, мечтать посетить озёрный край. – И пояснила, предупреждая вопрос Розмича: – Писать деяния вендов. Ты взять его с собой?

– Кто таков кульдей?

Розмич про то, что славяне ещё и «венды», разумел. Знал и то, что мудрый князь приучает могущих создавать черты и резы. И всё равно хотел ответить, мол: не велено, да и поход предстоит не увеселительный. Но княгиня и в этот раз опередила:

– Божий человек⁵, кульдей странствуй по миру. Он неприхотливо и толково, – путалась Риона. – Не быть в тягость. Орвар-Одд не сердать.

Ну что тут возразишь?! Да и осмелится ли простой дружинник перечить жене князя?

– Как прикажешь, – поклонился Розмич. – Где найти этого Ултена?

...Покидая покои Рионы, дружинник хмурился.

Его беспокоил не священник, навязанный в попутчики, а странная осведомлённость первой жены Олега. Впрочем, выяснять подробности Розмич не собирался: это бабьи войны, в кои мужику соваться нельзя. Иначе, не ровён час, сам обабишься.

Ловчан поджидал Розмича у гридни. Рядом с ним стоял грузный мужик, вовсе не старый, но с окладистой рыжеватой бородой и выпученными рыбьими глазами. И хотя прежде Розмич купца Жедана не видел – сразу признал. Судя по одежде, дела у того идут неплохо. Видный человек.

– Здрав будь, – кивнул Розмич.

Взгляд у купца нагловатый, цепкий. Голос – басистый, раскатистый.

– И тебе не болеть, – слегка поклонился Жедан. – Говорят, дело у тебя ко мне?

– Верно. Я с малым отрядом в Белозеро иду, а ты, если молве верить, лучший путь знаешь.

– Знаю, – отозвался Жедан с ухмылкой. – Да только провожатым не нанимаюсь.

⁴ *Скотты* – как и другие народы континентальной Европы, западные славяне применяли этот этноним к ирландцам (самоназвание – «гэлы»). Соответственно, сам остров Ирландия – Скотия. По мнению специалистов, закрепление этого этнонима за одним-единственным народом газльской (гэлской) ветви – за шотландцами – процесс очень поздний. А на рубеже тысячелетий он связывался именно с населением Ирландии. Этот этноним, скорее всего, был известен и в Киевской Руси. Параллельно со «скоттами» на – Балтии в частности и в Европе вообще – могли использоваться и другие, менее распространённые этнонимы.

⁵ Название «кульдей» произошло от староирландского выражения *Céili Dé* – «дружина Божия» или «преданные, подданные Божию». Изначально последователи Энгуса МакЭнгобана, ирландского игумена из рода королей Ольстера, затем – все ирландские монахи, как правило аскеты и отшельники, подобно отцу-основателю этого движения.

Розмич криво усмехнулся. Вот же лисье племя! Понял, не в провожатые зовут, а всё равно вертится, языкастость свою показывает. Что ж, плох тот купец, который без торга по рукам бьёт. Но и дружинники не лыком шиты!

– Князь Олег велел мне с тобой, на твоей лодье, идти, – сказал дружинник, снимая с пояса полный дирхемов кошель и взвешивая его в ладони. – Заодно тебя да товар охранять.

Взгляд купца не переменился, остался по-прежнему наглым. Простому человеку могло бы показаться, что и вовсе на кошель не глянул.

– Так ведь лодья у меня, та, что для тех рек годится, одна теперь на ходу. Невелика, да и старовата. Вот, и её латать недавно пришлось. А товара много накопилось. Коли тебя и твоих молодцов с собой брать, часть сгружать нужно, а это убытки. Кошель-то для такого дела худоват...

«Вот ведь жук!» – воскликнул Розмич мысленно. А вслух сказал:

– Ты мне зубы не заговаривай. Я по поручению самого князя еду! Ты бы всё одно каких варягов бы нанял, а тут мало что охрана выискалась, так и дирхемы сами в руки идут.

– Так и все под князем ходим, пока вот под Олегом... – развёл руками Жедан. – Слыхал, горе-то у нас какое – нет больше Рюрика. Да смилоствятся над ним боги! – забормотал он, касаясь оберегов на груди. – Вдруг по старому князю всенародную скорбь объявят?

– Слыхал. Тебе за то, чтоб в море скорее вышел, и серебро даётся. И за молчание. Это ты точно заметил, все теперь под Олегом, а он шутить не любит, – пригрозил Розмич.

– Ну ты сам посуди, мил-человек, коли доберёмся опять же в Белозеро, мне откель в обратную дорогу других варягов-то найти? То-то и оно!

Розмич хоть и улыбнулся быстрой смене купеческого настроения, а дельного ответа придумать не мог: всё ж не прирождённый посол, а воин. Не приучен языком чесать. Пришлось согласиться с поражением.

– А ежели в глаз дам? – подражая беззаботному тону торговца, спросил он. – Да так, что после всё своё добро знахаркам отнесёшь, лишь бы вылечили?

Купец ничуть не растерялся, наоборот – приосанился.

– Да разве пристало князьему дружиннику о простого человека мараться?

– Ты не простой, а я не брезгливый, – оскалился Розмич.

Жедан бесстрашно отступил на шаг, смерил воина новым, более пристальным взглядом, в котором, впрочем, появилось веселье.

Не слишком высок – всего на полголовы выше самого купца, сероглаз, лицо обрамляют густые русые кудри, борода стрижена. Зато плечи широки, а на ногах стоит до того крепко, что кажется, будто врос в землю. Пояс блестит серебряными бляшками, выдавая в собеседнике не последнего для князя человека.

– А не ты ли случаем тот воин, что на осенней ярмарке косолапому хребет голыми руками переломил? – хитро поинтересовался торговец.

Розмич не ответил, только оскалился сильней.

– И бешеного коня, прозванного в народе Лютым, объездил и приручил?

Дружинник по-прежнему молчал.

– И лучшего новгородского поединщика в пыли извалял? Зубы выбил и ещё постыдного пинка напоследок отвесил...

– Да он это, он... – не выдержал Ловчан.

Купец заметно повеселел.

Слава Розмича и впрямь гремела от Ильменя до самой Алоди. И даже у самого предела сих земель народ охотно судачил о подвигах удачливого дружинника, жадно выспрашивал у заезжих, чем ещё отличился вояка. А все окрестные родители спали и видели, как бы заполучить сероглазого в зятя. Жедан же последние четыре года был в отлучке, потому и не

признал в говорившем того самого – меченого. Теперь же гордился – такого человека в словесном состязании обставил!

– А у тебя и точно шрам есть? – спросил купец.

Розмич не смог сдержать улыбку, а Ловчан и вовсе расхохотался.

Пресловутый шрам, полученный ещё в детстве, вызывал нездоровое любопытство у всех без исключения. Ещё бы, ведь не абы чей коняка на голову ступил, а гривастый самого Олега, вещего князя. И мало кто знает, что Розмич, сын пахаря, в ту пору звавшийся детским прозвищем Роська, рыдал после этого совсем не по-геройски, целых два часа. И орал на всю округу, в мамкин подол сморкался.

Зато Олег разглядел в покалеченном мальчишке нечто особое, вот и прозванием наградил непростым – Розмич, то есть «с метой». Так и взял ревущего к себе, в отроки. Вопреки обычаю взял. Обучил сына пахаря ратному делу, а после тот добился права служить в дружине и превзошёл именитых сверстников мастерством.

– На мне этих шрамов как на псине блох! – отозвался Розмич.

Купец махнул рукой, окончательно уверившись, кого судьба подсунула в попутчики. Сказал больше для порядка:

– Ты прости, ежели что не так!

– Боги простят, а ты лодью снаряжай! – в тон отозвался Розмич.

– Так я уже. Вы как раз вовремя явились – ещё бы день, и не успели. Я на рассвете уйти собирался.

– Князь Олег – вещий, он ведал, когда посылал.

Ловчан, которому поручал разведать про купца, лодью уже осмотрел – большая, справная. Он кивнул, подтверждая слова Жедана.

– Что ж, так даже лучше, – заключил Розмич. – Поутру и свидимся.

Дружинник пристегнул кошель к поясу, нарочно не замечая разочарованного лица торговца.

«Ничего, потерпит, – решил он. – Неча было языком трепать!»

Купец, смекнувший, что плату получит не сразу, грустно вздохнул и поспешил восwoяси. На ходу костеря вояку за глупую шутку – это же надо, кошель зажать! Неужто ничего лучше придумать не мог?

Розмич, наоборот, был очень собой доволен, но едва Жедан скрылся с глаз – посерьёзnel.

– Ты наших предупреди, на рассвете уходим, – приказал он Ловчану. – И скажи, с нами ещё один человек будет.

– Какой человек?

Воин соорудил недовольную мину, ответил с холодком:

– Да скотт. Из свиты Рионы.

– Человек, что ли, не ахти? – не понял Ловчан.

– Нет, поп христианский! Скотты – народ такой, за данами да англами обитают, далёко на Западе, – пробурчал Розмич и, поглядев под ноги, продолжал: – Вот не везёт! Мало, что за ночь ни горло толком промочить не успеем, ни Рюрика помянуть толком, так ещё и этот, как его... кульдей навязался. Ох, не нравится мне это! Неудачно путь начинается, кабы беды не случилось.

– А кабы и беда? – улыбнулся Ловчан, поглаживая рукоять меча.

Собеседник смерил друга внимательным взглядом и ухмыльнулся.

Да уж, чего-чего, а бед бояться не стоит – Олег с ним под поход к Полату самых лучших воинов отрядил, самых сильных. Этим что удача, что неудача – всё одно выстоят. Был бы меч верен, остальное – суета.

– Добро! – кивнул Розмич. – Стало быть, на рассвете!

Дюжина молодцов во главе с Розмичем прибыла на пристань затемно. На лодье Жедана уже вовсю готовились к отплытию – корабельщики сновали взад-вперёд, в последний раз проверяя, всё ли погружено и закреплено, надёжна ли оснастка. Сам купец стоял неподалёку и, заложив руки за спину, важно покрикивал на подручных.

Завидев дружинников, Жедан расцвёл улыбкой и поспешил сообщить:

– Ну, раз вы всё одно с нами – тады и на вёслах кого подменить сможете, коль потребность случится. Я ведь половину людей уже по домам отправил, иначе не уместились бы. А теперь всё в порядке! Так что все на борт – чую, будет нам ветер попутный!

Воины опешили не от слов – управиться с веслом дело плёвое – от наглого тона. А Розмич изогнул бровь, подумал запоздало: «Ой, неспроста Олег именно к этому купцу обратиться приказал...» И едва подвернулся случай, шепнул Жедану, чтобы шутки эти бросил: мол, сам Розмич веселье разделяет, а остальные не поймут. Ещё добавил доверительно:

– Это у вас, торгашей, в почёте плутоватый Велес, а у нас свой бог – военный...

– Да знаю, знаю! – отмахнулся Жедан, но хитреца из взгляда не исчезла.

«Вот ведь человек! – возмутился Розмич мысленно. – Уже седина на висках проявилась, а он всё хохмит!»

На этом странности не закончились.

Поднявшись на борт, мужчины обнаружили невзрачную девку, стелющую тюфяк на скамью близ места кормчего. Пристроив его таким образом, прислужница положила поверх одеяло из ярко окрашенной шерсти, пощупала – мягко ли. На недоумевающих дружинников покосилась, как голодная змея, и заспешила обратно на берег.

– Баба. Не к добру, – прошептал кто-то, и прежде чем Розмич успел озвучить свои предположения, на борт взошла Она.

Невысокая девушка с синими, как послегрозовое небо, глазами. Такие очи прежде знал лишь за Олеговой женой. И вот, пожалуйста! Румяная, но уж больно худосочная, чтобы казаться красивой простому селянину. Платье скромное, волосы убраны под тонкий белый платок заморской ткани, закреплённый простым медным очельем. Увидав толпу вооружённых мужчин, девица опустила глаза долу и улыбнулась, отчего на щеках проявились крошечные ямочки.

Розмичу показалось, что уходит из-под ног дощатая палуба, что предрассветное небо закачалось и грозит обрушиться на голову, что плеск ладожских волн стал нестерпимо громким и слышится в нём переливчатый девичий смех.

Подскочивший Жедан по-отечески обнял синеглазую, сказал:

– Вот, племянница моя любимая. Затеей зовут.

– Не к добру, – тихо повторил Ловчан, а кто-то усмехнулся куда громче. – И не страшно тебе, девица, по морю-то? Тут и ветер, и укачивает!

Щёки синеглазки вспыхнули малиновым цветом, спина горделиво выпрямилась. Но ответила не сама, дядя-купец был проворнее и куда говорливей:

– Не боится. Четыре лета со мной за моря ходит. Теперь вот к отцу, брату моему, возвращаю.

– Четыре лета?! – удивился Розмич. И поспешил пояснить, чтобы никто не подумал, будто речь о девице: – То-то я тебя, Жедан, в Ладоге раньше не видал. И где же ты скитался столько времени?

– Много где, – купец надулся важностью, подбоченился. – Так ведь в Русу ходил, в Киев... в Царьграде бывал.

– В Царьграде?! – разом выпалили дружинники.

– Да, – подтвердил тот, а Розмичу показалось – ещё немного, и купец лопнет от самодовольства. – Вот и рабыню там прикупил. Эй, девка, подь сюды!

На крик Жедана прибежала та самая невзрачная прислужница. Только теперь воины заметили, что девица если и похожа на словенку, то на сильно заморенную: кожа темней, глаза впалые, почти прозрачные, нос некрасивый – шибко длинный. Когда купец сорвал с девичьей головы платок, взглядам предстали чёрные, как ночь, косы.

– Гречка! – пояснил торговец.

– Гречиха, – поправили его самые грамотные.

– Ромейка, дурни! – буркнул седатый кормщик в кулак.

– Две бабы на лодье, – покачал головой Ловчан.

И теперь уже Розмич повторил озвученную соратниками мысль:

– Не к добру.

Кромка виднокрая кроваво вспыхнула, Даждьбог протирал очи ото сна, первые лучи пробудившегося светила озарили стелющийся над водами туман. Рассветные сумерки начали таять, как кусок снега, брошенный в раскалённый печным жаром горшок.

Жедан облизал палец, поднял повыше и заключил:

– Ветер пока слаб, но хорош. Глядишь, разгуляется. – И рявкнул, как заправский мореход: – По местам!

Сноровистые подручные уже убрали мостки, когда с пристани прозвучал зычный крик:

– Подождите! Подождите!

– Это что за худоба? – хмуро пробасил Жедан, перегибаясь через борт.

По пристани метался высокий рыжеволосый человек в длинных одеждах, размахивал руками и продолжал голосить. Большую часть слов корабельщики разобрать не могли, казалось, человек не говорит, а каркает.

Розмич хлопнул себя по лбу:

– Это же Ултен!

– Какой такой Ултен? – насторожился Жедан.

– Божий человек, говорят. С нами в Белозеро идёт.

На лице купца отразилось недоумение и вмиг сменилось озабоченностью:

– Поп, что ли, иноземный? О попё договора не было!

– Значит, теперь будет, – просто ответил Розмич. – Вели мостки взад приставить.

– Какие мостки? Зачем? – искренне возмутился Жедан.

– Затем, чтобы на борт кульдея ентого принять.

Помня о словоохотливости купца, Розмич сразу перешел в наступление – расправил плечи, выпятил грудь и подбородок, грозно потёр кулак ладонью. Впрочем, старался не столько для Жедана, сколько для его племянницы – пусть видит... стать молодецкую.

– Ящер его забери! – выругался купец, поняв, что отделаться от незваного попутчика не получится. И, вопреки здравому смыслу, всё-таки прикидывал, удастся ли усадить и священника за вёсла, коли случится в том нужда. Больно худой поп, как та же Затея, да бледный.

Ултен с мальчишеским проворством взлетел по мосткам, слегка поклонился – сперва Жедану, после Розмичу. На него глядели, как на чудо. Мало что одежды длинные, так ещё и на голове не пойми какая зараза.

Общее мнение озвучил Ловчан:

– В костёр упал?

Брови Ултена взлетели на середину лба, улыбка стала глуповатой. Обычно так улыбаются, если не расслышали или просто не поняли.

– Голова, говорю, – пояснил Ловчан, указывая на собственное чело.

Скотт бритый, но только наполовину – от уха до уха, через темечко. Отчего его лоб казался огромным. Рыжая борода была разделена на две части и напоминала рога, растущие из подбородка. А длинная одежда придавала священнику сходство с крайне уродливой, мужеподобной бабой. Нескладный, словом.

В этот раз никто не изрёк многозначительное «не к добру», потому как три «бабы» на борту лодьи прочат не какие-то мелкие неприятности, и если не Всемильное половодье, то бишь Сумерки богов, так настоящую беду.

Не дождавшись от кульдея ответа, Ловчан махнул рукой. Жедан хотел сплюнуть от досады – не понравился ему полулысый, ну ни капельки! Но вовремя опомнился – дурной знак плевать на корабельные доски, а в воду – и вовсе святотатство.

– Отходим! – приказал купец, ещё раз про себя проклиная нелёгкую, что принесла на его лодью нежданного гостя.

Глава 2

Ветер и впрямь был ещё слабоват, его сил хватало лишь для того, чтобы чуть горбатить парус. Корабельщикам пришлось взяться за вёсла, но люди не роптали. Хотя гребли слаженно, берег скрылся не скоро.

«Отчего-то ведь решил купец заранее выйти на большую воду, – смекнул Розмич. – И, как видно по ватаге его, завсегда так делает – не придурь».

Племянница Жедана расположилась на мягком тюфяке, близ кормчего. У её ног, прямо на досках, недвижимой тенью сидела ромейская девка. Затея то и дело бросала любопытные взгляды на Олеговых дружинников, они тоже исподволь рассматривали синеглазую девицу, тихо судачили промеж собой: каково же было бабе четыре лета по морям-то ходить. Посмеивались.

Розмич разговорам не мешал, порой и сам вворачивал ехидные словечки, отчаянно надеясь, что соратники не заметят предательского румянца, который не желал сходить с лица от самой Ладоги. Это внезапное смущенье злило Розмича сильнее, чем наглость, накануне проявленная купцом.

Сам Жедан с гусиной важностью расхаживал по палубе, покрикивал на гребцов да с прищуром поглядывал на скотта Ултена. Священник сидел на носу лодьи, особняком, и с каждым мгновеньем делался белее. Его губы беззвучно шевелились.

Купец сразу понял – молится. По уму, нужно осадить полулысого, а то вдруг Морской владыка, услышав слова, обращённые к чужому богу, осерчает и накажет корабельщиков? Но Жедан провёл немало времени в Царьграде и знал лучше многих – христьянина проще бросить за борт, чем уговорить посидеть без молитвы хотя бы мгновенье.

Конечно, вера скоттов сильно отличалась от ромейской, об этом Жедану тоже было ведомо, но суть от того не меняется. И те и другие верят, дескать, бог-то всего один, остальные – бесы вроде бы. Ещё верят, будто жил когда-то на земле сын этого бога – Иисус. Он не разделял народ по племенам и велел всем жить в мире и прощении. За что и поплатился. Нынче ему поклоняются, как и богу-отцу, но толку? Боги-то словен некогда тоже по земле ходили, так чем этот Иисус лучше их? И что же это ещё за бог такой убитый, ещё и к дереву пригвождённый! Разве может смертный бога так уделать? Нет, спорить с полулысым Жедан не собирался...

– Погоди-ка! – крикнул купец, голос прозвучал громовым раскатом. – Суши вёсла!

– Это ещё за каким... – встрепенулся Розмич.

Жедан смерил дружинника хитрым взглядом, сказал с деланой строгостью:

– Ты, мил-человек, у себя на суше распоряжайся, сколь душа просит. А на море меня слушать будешь. Пока требы Волхову не справим, никуда отсюда не двинемся.

– Ах да! Волхову! То добре! Нельзя не почтить грозного коркодила! – рассмеялся Розмич.

Бедный скотт позеленел, когда Жедан, подхватив припрятанный до поры мешок, вышел на нос лодьи. В мешке копошилось и пыталось кукарекать.

– Эй, меченый, подь сюды! – позвал купец.

Розмич вмиг оказался рядом, выхватил из мешка крупного чёрного петуха. Разжалованный властелин курятника пытался побороть дружинника, но силы оказались неравны. Купец тем временем извлёк невесть откуда большой камень, умело привязал его к лапам чернокрылого и, подхватив голосащую жертву, самолично выбросил за борт.

– Хвала Волхову! – молвил он громко, а тише добавил: – Пошли нам попутного ветра да лёгкой волны! Не обессудь, коли чем обидели...

Куцые крылья отчаянно били воздух, но изменить предначертанного судьбой не смогли. Петух с громким плюхом вошел в воду, тёмные волны Алоди схлопнулись, проглотив подношение.

Жедан расплылся в широкой улыбке, заявил громогласно:

– Хорошо пошёл!

От этих слов лицо Ултена стало и впрямь зелёным, но едва кульдей взвился на ноги и перегнулся через борт, оказался в могучих объятьях дружинника. Глаза иноземца выпучились, грозя лопнуть. Розмич, кривясь, зажал священнику рот и рыкнул:

– Терпи! Сейчас нельзя! – И добавил громогласно: – Эй! Дайте хоть посудину какую!

Кто-то проворный подставил ведро, и желудок Ултена смог-таки облегчить свою тяжесть. В воздухе появился отвратительный кислый запах.

– Ну и вонища! – сказал Розмич, вытирая испачканную руку о подол монашеских одежд.

Несчастный священник попытался отшатнуться от неотёсанного дикаря, да не смог – сил не было. Так и осел на палубу.

Корабельщики вновь налегли на вёсла, вскоре жертвенное место осталось позади.

И тут, как по волшебству, ветер окреп и с новыми силами уж наполнил парус, освобождая мореходов от тяжкого труда.

– А вот теперь можно и за борт! – возвестил сияющий Розмич. И добавил, кивнув на полное рвоты ведро: – И это выплеснуть не забудь.

– Дикари! – Священник вновь позеленел, и через несколько мгновений к плеску вод добавились надрывные звуки.

Уже позже, когда солнце покатилося на закат, а морская болезнь чуть отпустила, скотт ожил и пристал с расспросами:

– Я знаю ваших богов. Велес, Перун, Дажьбог... но кто есть крако... кракодайл? – спросил он Жедана.

Купец хитро подмигнул и отправил иноземца к кормчему – тот куда дольше по этим водам ходит и знает лучше.

Седатый кормчий на вопрос ответил не сразу. Для начала воздел глаза к небу, будто переносясь памятью в почти забытые времена, когда родилась эта легенда. А заговорил с таким видом, словно и сам был участником тех далёких событий:

– В века стародавние, когда мир был юн, жили в этих землях дикие-дикие люди. Их кто как кличет: кто бородачами, кто древичами, кто неврами... Мореходства не знали, землю пахать не умели, а из зверья только зайцев ушастых промыслять могли. Боги глядели на людишек этих и плакали.

И вот однажды пришел сюда великий князь Словен. При нём, как полагается, дружины. Поглядел вокруг и решил остаться. Поставил город, каких прежде тут не бывало – со стенами. Велел своим людям научить дикарей пахать и сеять, стрелы правильные мастерить и охотиться. Дикари сперва не понимали, чего же от них владыка хочет, не принимали его науку, бранились и лезли в драку. А после увидели: коли зерно сеять, по осени урожай бывает, и урожаем этим в зиму кормиться можно. Узнали, что ежели не зайца бить, а тура – мяса ого как больше! И прониклись они к князю такой любовью... что стали зваться не бородачами, а в его честь – словенами.

Князь Словен правил долго, а умирая, завещал все земли сыновьям. Про них мало что знают, да много врут. Но был один, старший, коего в землях алодских и новгородских особенно хорошо помнят. Волховом того сына звали.

Не простой человек был – в потаённый мир вхожий. Много добра людям причинил. В его память и речку, что Ильмень-батюшку с Неявой⁶-матушкой соединяет, назвали. Но я не об этом.

На исходе дней своих Волхов явился к среднему брату, что Алодью правил, и попросил:
– Похорони-ка меня в кургане.

А тот ему:

– Как же тебя хоронить? Ты ж живой!

– А вот так.

И до того непреклонен Волхов был, что брат егоный согласился и сотворил всё, как старший велел. Кабы раньше слово молвил, я б тебе этот курган показал, он до сих пор над землёй высится, никакие ветра его не трогают. Да и лес могилу ту стороной обходит – не растут деревья на кургане, хоть убейся.

Но на том дело не кончилось. Едва Волхова похоронили, едва справили тризну, как в речке близ Алоди появилось чудо-юдо, коркодила. Кто видел, говаривал: морда длинная, зелёная, с рогами. И зубы – во!

Народ, недолго думая, начал на коркодилу охотиться. Сети расставляли, запруды хитрые, с кольями по дну, делали, а зверь всё не попадался. Тогда сам местный князь на охоту собрался, велел копыа готовить и луки, да непростые, а из тех, что коня со ста шагов насквозь прошибают.

И вот... явился князь на берег реки, натянул тетиву и стал ждать. День, два, три... пока руки не ослабли. А едва опустил оружие, из воды морда коркодилы вынырнула и говорит человеческим голосом:

– Ты, князь, не бей меня. Я ж не абы кто – брат твой родный. И покуда курган мой над Алодью высится, буду я, в помощь тебе, правосудие вершить. Кто добрый по воде пойдёт – не трону, а злодеев в щепки изгрызу.

Владыка сразу уверовал, что перед ним брат – по голосу узнал. Поклонился в пояс, слов ласковых наговорил и ушёл восвояси. И народу своему наказал: коркодилу не бить, а требы ей подносить. И поведал, мол, правых чудо-юдо не трогает.

Вот с той поры и повелось: хошь по водам близ Алоди пройти – коркодилу задобри!

Румяная Затея всё это время сидела близ кормщика и слушала, распахнув рот. Едва тот закончил рассказ – не выдержала, пискнула:

– А коли не задобришь, что будет? Сожрёт?

– Ну... – протянул кормщик важно. – Коли правый человек, хороший, то не сожрёт. Но напугает обязательно.

После бросил многозначительный взгляд на Затею и добавил с улыбкой:

– Хотя... Тебя бы точно сожрал.

– Это почему же? – воскликнула девица.

– А потому как сильно до девок охочий и крепкий, – хохотнул кто-то из гребцов.

Мужики грянули. Грекия опять перекрестилась.

Ултен, в отличие от девицы, особого интереса к рассказу не выказал. Наоборот – насупился, но вслух возражать не стал. Кто этих словен знает! Может, и впрямь ихний князь может три дня с натянутым луком у реки стоять!

– А я слыхал, – встрял Ловчан, который всё это время прислушивался, – дескать, Волхов не после смерти в коркодилу превратился, а перед ней. И вот когда понял, что обратно человеком стать не может, тогда и попросил похоронить. И хоронили его не в домовине, как положено, а в закрытом каменном сундуке, чтобы народ мордой коркодилы не пугать!

⁶ Неява – старое прозвание Ладожского озера.

– Ой, ну да как же! – воскликнул кормчий. – А кто ж тогда по водам Волхова и в алодском море плавает?

– Вдруг сам Ящер? – предположила Затея осторожно.

Грекия, сидевшая при ней у ног, снова перекрестилась.

– Ха! Больно ему, Ящеру, надо! Он всеми водами владеет, а коркодила только близ Алоди суд вершит!

Спор мог бы разгореться не хуже купальского костра, если бы не скотт, обронивший будто невзначай:

– В землях, откуда я родом, тоже в чудовищ верят.

Глаза Затеи вспыхнули интересом, а кормчий спросил лениво:

– И чё за чуда? И как откупаются?

Не успел кульдей раскрыть рот, как с другого конца лодьи завопил Жедан:

– Ты сказывай, сказывай! Но если кого накличешь – сам задабривать будешь! Первым за борт полетишь!

– Не, в монахе сём желчи много будет! Как бы животом потом чуде-юде не мучиться!

Ултен смутился, пробормотал что-то о варварах, пережитках, вере в Господа. И прежде чем Затея с кормщиком начали пытаться расспросами, поспешил уйти на нос лодьи. Останавливать чужеземца никто не стал – ведь дорога длинная, всё успеется. К тому же священник снова позеленел, и перекосило его так, что сам на морское чудовище походить стал.

– Нет у него рогов, – сказал Розмич подошедшему Ловчану. – Я эту коркодилу видел однажды.

– Видел? – изумился Ловчан.

– Да, ещё в детстве. Я тогда в деревне жил. Вышел как-то раз к реке, смотрю – что-то не то. Вроде как бревно, да только не движется, будто течения для него не существует. Пригляделся, а бревно-то с глазами.

– И чё?

– А ничё. Поглядело на меня и нырь в воду.

– И не тронуло?

– Неа, – задумчиво отозвался Розмич.

Ловчан смотрел на друга с нескрываемым изумлением, после наклонился к уху, зашептал:

– Так он ведь всем подряд не показывается, только избранным. Может, ты этого... волховать можешь?

На физиономии Розмича расцвела широкая лучезарная улыбка.

– Ага! Хошь, тебе крылья наволхую? – спросил он, кивая на тёмную гладь алодского моря. – А плавник сам отрастишь!

– Да ну тебя, – насупился Ловчан. – Я всерьёз, а ты...

Махнув рукой, Ловчан устроился рядом и принялся глазеть на облака...

Смеркалось. Для ночлега кормчий завёл лодью в маленькую уютную бухту, Жедан оставил на борту троих из своей ватаги. Остальные всем миром расположились на берегу, на широкой поляне, огороженной толстоствольными берёзами.

Споро развели огонь, сварили полбу. Запах от варева шел такой, что даже у гнездящегося неподалёку дятла слюни потекли. Ели и корабельщики, и дружинники с охотой, только ложки стучали.

Розмич с уважением отметил, что никто из людей Жедана в дороге под лавкой не лежал и через борт не перегибался, значит, моряки бывалые и хорошие. Ултен тоже поправился, и следа от недавнего недуга не осталось. А уж по тому, как уплетал варево, можно решить, будто священник здоровее любого варяга будет.

Вслед за ужином пошли разговоры, тут руки Розмича сами собой напряглись, зубы стиснулись до боли в висках. Не зря говорят: бабе на лодье не место...

Все, начиная седатым кормщиком и оканчивая Ловчаном, набивались в рассказчики. И если кормщик припоминал забавные случаи, где сам порой выступал дураком, то дружинники баяли важно. О сраженьях и воинских подвигах. Племянница купца слушала, распахнув рот, и каждого одаривала влюблённым взглядом. Розмичу отчаянно хотелось, чтобы и на него посмотрела так же, да язык почему-то заостенел.

Жедан сидел рядом с племянницей, щурился, как домашний хорь, сожравший две дюжины мышей. А Розмичу в какой-то миг показалось, будто купец заметил его смущение и молчаливо посмеивается.

От этой мысли воина взяла такая досада, что поспешил разогнать вверенную ему дюжину, пообещав с самого утра посадить на вёсла. После этой «прибаутки» Розмич удостоился-таки долгожданного взгляда. Но вместо любви в синих очах Затеи была горькая обида и осуждение.

Ночью, ворочаясь в объятьях бессонницы, Розмич придумал, что ответить Затее. И историй вспомнил с десяток – одна другой лучше. А вот почему от одного взгляда на эту девушку теряет дар речи и превращается из весёлого парня, каким всегда был, в занудного молчуна – не понял. И почему при виде её земля из-под ног уходит – тоже.

Утро нового дня явило путешественникам затянутое облаками небо. Резкий, порывистый ветер разозлил море – волны хищно бросались на пузатые бока лодьи, перехлёстывали через борт. Жедан деловито облизал палец, поднял его вверх, но и без того ясно – ветер пока попутный. Сам Волхов благоволит.

Розмич тщательно скрывал досаду: при таком ветре на лодье идти не труд, а удовольствие. Перепоручив всю работу парусам, гребцы будут развлекать синеглазую Затею историями до самого вечера.

«Ну и пусть!» – неожиданно зло подумал Розмич. Исподволь глянул на смешливую племянницу купца, стиснул зубы и заспешил на борт. А ещё подумал, что за всю дорогу ни разу о смерти Рюриковой ни словом не обмолвились. Или моряки не прознали – хорошо, что быстро в море вышли, а купец хранил секрет? А может, суеверно не хотели лишний раз Морену привечать скорбным разговором.

...Опасенья Розмича подтвердились: благодаря Затее лодья мало походила на торговое судно, напоминала гнездо неугомонных грачей, волею судьбы плывущее по алодскому морю. Окажись поблизости враг – не по парусу заметит, по шуму.

Сам дружинник в разговоры не лез. Тот десяток историй, что вспомнил ночью, – благополучно забылся. Зато когда на лодье вновь принялись вспоминать о коркодиле Волхове, в памяти вспыхнула другая байка...

Дело было немало лет назад, когда он, будучи уже дружинником, впервые оказался в Алоди. Город встретил воинов без особой радости, на Рюрикова шурина – мурманина Олега – всё ещё косились с подозрением. Олег же по прибытии не стал задабривать жителей пиром, как поступали обычно, а пошёл поклониться местным святыням. Розмич, младший гридень, оказался тогда в свите, сопровождавшей князя.

Вот тогда и увидел впервые главного волхва Алоди...

Старик был бос и, как водится, седовлас. Густая борода едва ли не по траве волочилась, а подол одежд покрывал плотный слой грязи и колючие репы, подсказывая: старик не из тех, кто всё время на капище просиживает, принимая подношенья от сердобольных горожан, по земле он ходит.

Разговор Олега и волхва проходил в стороне, был недолог. Отчего-то казалось, что мир вокруг князя и старика стал гуще, обрёл новые, более яркие краски. Но Розмич этим наблюдением не заморачивался – стоял вместе с остальными и ждал.

После принесли требы кумирам, кланялись до земли... А вот когда развернулись уходить, Розмич случайно встретился со стариком взглядом и остоленел.

Он бесчисленное множество раз видел ночное небо. Иногда оно казалось тёмным холстом, усеянным жемчужинами, иногда чудился бездонный океан, в недрах которого водится неведомое. Именно этот океан вспомнился Розмичу, когда заглянул в глаза волхва. На том и расстались.

А спустя несколько дней волхв сам появился в город и подловил Розмича, шедшего с пристани. Сказал без прелюдий:

– Ты не простой человек, Розмич. Богами отмеченный.

Дружинник хотел отмахнуться и отшутиться, как делал всегда, но рта раскрыть не смог, пришлось слушать.

– Но про это ты и без меня знаешь – судьба много подсказок тебе дала. Вспомнить хоть коня Олегова, хоть коркодилу нашу. Волхов абы кому не является. А ты знаков не понял, другим путём пошёл. Зря, Розмич. Зря. На воинской дороге слишком много горя тебе отмерено, сойди.

Розмич задумался, конечно. А как не задуматься, если перед тобой седовласый человек с глазами из бездонного ночного неба? И совет этот принял. Но с воинской стези не свернул.

Вот и теперь, вспоминая ту встречу, размышлял, что поступил верно.

И кому охота чуть ли не каждый день на капище перед богами отплясывать? Или в развороченные кишки зайца всматриваться, между печёнкой и сердцем знаменье свыше искать? Особоливо если в руках сила живёт молодецкая, а душа веселья требует. Да и от девок кому охота отказываться, когда хочется и можно?

Правда, с той поры Розмичу всё чаще сны нехорошие снились и сбывались не в пример чаще обычного. Людей иногда до того пристально видел, что казалось – ещё немного, и в самую душу провалится. Но о том, чтоб сменить меч на посох дорожный, всё равно не думал. От снов и прочих наваждений – отмахивался. Не мужское это дело во всякую чудесатость верить.

Расскажи он эту историю Затее, тут бы одним влюблённым взглядом не обошлось. Бабы страсть как загадочное и волшебное любят. Вот только делиться рассказом дружинник не собирался. Ни с кем.

– Эй, Розмич! О чём горюешь? – спросил подсевший Ловчан.

– Не горюю, – отозвался дружинник. – Думаю думаю, пока вы хохочете.

Брови Ловчана удивлённо приподнялись – сколько знал Розмича, никогда за думами не замечал. А старший из дружинников продолжал врать:

– Вот представь, что если Полат, узнав о гибели Рюрика, откажется в Новгород ехать, о худом подумает. Как тогда быть?

На лице Ловчана отразилось полное недоумение.

– Выпустит ли нас из Белозера или в заложниках оставит? Или просто головы посрубает и Олегу в мешке пришлёт? – вполголоса рассуждал Розмич.

– В мешке? Да ну! Не станет Полат войну с Алодью и всем словенским миром развязывать.

– А кто его знает? Он ведь не абы кто, сын Рюрика. А Рюрик великим воином был, сколько сражений под его рукой выиграли?

– Не... – смекнул Ловчан. – Не о том ты, Розмич, думаешь. Зубы мне сейчас заговариваешь, так?

Ловчана не зря считали смышлёным. Одного взгляда на Розмича оказалось достаточно, чтобы догадаться.

– Чё? – заговорщицки зашептал собеседник. – Неужто так глянулась, что даже от лучшего друга скрыть хотел?

Вопреки желаниям Розмича, щёки вмиг покрылись ярким румянцем, который даже густая щетина скрыть не смогла. Ловчан даже присвистнул.

За Розмичем девки всегда табунами бегали. Одна, особо влюблённая, даже в гридню как-то пробралась – смеху на весь княжеский двор было. А он убегал, но не слишком рьяно. Некоторым позволял-таки затянуть себя в сети, затащить на сеновал или укромную лесную полянку. Но на том любовь, как правило, и кончалась.

Осуждать за такое никто не думал. С давних времён заведено – ребёнок, рождённый от бравого воина, удачу в дом приносит, особенно мальчик. У ворот девки, от дружинника родившей, целая череда сватов выстраивается: выбирай – не хочу.

Но, как бы ни ценили дружинники свободу и разгульную жизнь, каждый хоть раз все-рьёз влюблялся, а вот Розмич будто каменный. Косы на кулак наматывал, и только. А над соратниками, что со вздохами о девках рассказывали, шутил и смеялся во всё горло. И вот... такая перемена! То-то Ловчан последний день друга не узнаёт!

– Правду говорят... – лукаво протянул он. – И на старуху проруха бывает.

Розмич вспыхнул пуще прежнего, ладони превратились в кулаки.

– Скажешь кому – шею сверну! – прошипел он.

– Тихо! Тихо! – смешно взмолился Ловчан и покосился в сторону Затеи.

Розмич заскрежетал зубами, понимая – одним этим взглядом Ловчан перед всеми корабельщиками разоблачил. Приготовился отбиваться от насмешек, крошить зубы и ломать ноги и бесконечно удивился, когда понял – вокруг ничего не изменилось. Тот же гомон, те же шутки-прибаутки, в которые звонким колокольчиком вплетается смех синеглазой Затеи.

– Расслабься, – посоветовал бывалый в таких делах Ловчан. – Когда любишь, всегда кажется, будто каждый об этом догадывается и посмеивается.

– А чё делать-то? – тупо спросил Розмич.

– Разберёмся, – хитро пообещал собеседник, чем окончательно вогнал друга в краску.

Глава 3

На Ладогe ветер помогaл им всю дорогу, не изменил он себе и когда вошли в обширное устье какой-то реки, распугав рыбацкие лодки, и стали медленно подниматься против неспешного течения.

– Что за воды? – спросил Розмич у купца.

– Это Свирь. А дальше – Оять будет. Молись ветру западному, потому как иначе не то что на вёслах, бечевою идти придётся.

Мокрые, поросшие камышом берега стелились низко, правый затем слегка поднимался, песчаный и бористый, по самому краю пушистый вереском вперемешку с брусникой.

– Кабы нам пороги одолеть, считай половина пути позади! – посерьёзней Жедан.

– Но ты же хаживал здесь, и ничего? Живой! – отозвался Розмич.

– Ходил, да не на одной лодке. Тремя. Не то страх, что пороги. Мало нас, коль врасплох на стоянке застанут, не отобьёмся. Ты ухо остро держи, воин! И на баб меньше паясь, – уже совсем серьёзно продолжил купец.

– Тогда скажи своим женщинам, чтоб болтать перестали, – разозлился дружинник. – Мужики гогочут на всю округу.

– То верно, – примирительно ответил Жедан, хотя грекия была нема как рыба, а без умолку хихикала одна Затея. – Эй, кормщик! Не пора ли к берегу?

– Как скажешь, – проскрипел тот. – А по мне, так ещё пару вёрст можем идти, а там я хорошую стоянку знаю.

– Добро. Так и сделаем... А на рассвете, что ж. Семи смертям не бывать, а одной не миновать, – рассудил Жедан и подмигнул Розмичу.

«Не может того быть, чтобы племянницу любимую опасности бы подвергал, – смекал дружинник. – Не иначе, хоть и затруднителен путь, но не столь страшен, как речёт».

– Первый порог зовётся Сиговец, – продолжил пугать уже кормщик. – А другой, что за ним – Медведец. Гибельное место. Вода здесь стремительна. И так девять вёрст подряд. А со всех сторон скалы да кручи...

– Далеко ли до Онеги, отец? – прервал его Ловчан.

– Дён восемь будет, не менее, – ответил тот и добавил: – Коли на порогах оных не застрянем, конечно. Там всё одно бечевою идти. А не сдюжим, надобно с местными уговорчинить. За четыре года много могло измениться. Бывает, в одно лето берег так зарастёт, что и бечева никакая не поможет. Тогда сиди и жди.

– Так и с голоду или со скуки помереть можно, – пошутил было Ловчан.

– А рыба на что? – усмехнулся Жедан, тревожно вглядываясь в зелёный сосняк по правую сторону от корабля.

– Надобно богам ещё требу справить, – предложил Розмич. – Эй, скотт! Ты чего ж молчишь? – бросил он Ултену.

– Я не скотт, а житель благодатной страны Эйре... А эта земля, – он повёл рукою, – всем нам чужая! Надо мало говорить, – добавил священник нехотя. – Всю рыбу распугать можно.

– А как же пост, святой отец? – не удержался ехидный Жедан.

– Не о себе пекусь, о вас – мирянах, пусть вы все и язычники. Да будет вам известно, что сам Энкус, игумен из Клоненаха, уединился, дабы избежать земной славы, для предания себя испытаниям. Ежедневно он клал по триста поклонов Господу и читал подряд всю Псалтырь, – при этом кульдей потянул к себе дорожную суму и действительно вытащил оттуда увесистый том в кожаном переплёте, – не выходя из ледяной воды, будучи привязан к бревну за шею...

– Ты был прав, Жедан, – размышлял вслух Розмич. – Коркодила бы отравилась!

Затее звонко рассмеялась, не удержались и остальные, один священник со смиренным видом встретил этот хохот, не выказывая обиды на венецких варваров. Гречанка тоже промолчала.

– Разве не трепещет сердце твоё, добрая девушка, – обратился Ултен к Затее, – при виде Святого Писания?! Разве тот крест, что скрываешь ты от мужских взоров на груди, не бережёт тебя от козней дьявольских?!

Здесь уж настала пора Розмичу язык проглотить. А Ловчан даже икнул от неожиданности.

– Негоже святому отшельнику на грудь женскую пялиться! Вот тебе мой ответ будет, – сказал купец с явным неудовольствием. – А если ты мне здесь будешь проповеди читать, на вёсла посажу от ужина и до самого Белозера! Ты всё понял?

– Прости! Я не хотел никого обидеть, – поспешил заверить Жедана кульдей, сотворил несколько раз крест и притих.

– Это правда, что Затее богов старых отринула? – не выдержал Розмич.

– Дура была... Сама не знает, чего хочет... Отринула бы, давно какая б напасть приключилась, – с огорчением оправдывался купец. – Да нет её! А так, глядишь, и месяца не пройдёт, уж в Белозере окажемся.

– Ох и чуёт моё сердце, теперь уж точно приключится, – пробормотал Ловчан.

– Не каркай! – оборвал его Розмич.

...Стоянка, о которой упомянул кормщик, и впрямь оказалась знатной: здесь река изгибалась, образуя небольшую бухту, а место для ночлега было закрыто густым сосняком, надёжно скрывавшим свет костра от всех, кто на воде и даже за рекой.

Большое кострище, брёвна, сложенные вокруг, и охапки иссохшего сосняка – остатки бывших лежанок – говорили о том, что место давно обжито. С одной стороны, это радовало, с другой – пугало. И хотя Розмич решил, что купец выказал опасения не всерьёз, а для порядка, всё равно насторожился.

Вместе с Ловчаном проверил пешие подступы к стоянке и только после этого немного успокоился. Человеку неприметно сюда не подойти, значит, если кто и нагрянет – только с реки, а о таких гостях предупредят сторожа на лодье. В этот раз на борту остались двое молодцов Розмича, они и получили строжайший наказ не спать и глядеть в оба. За полночь обещал сменить.

Солнце уже подкатилось к горизонту, к летней зелени добавились пурпурные тона. По реке поплыл лёгкий, почти прозрачный туман. У костра хозяйствовал Вихруша – дружинник ловко насадил пойманных рыбин на толстые прутья, умело отгрёб горящие ветки в сторону, чтобы выпечь добычу на углях.

Ему, как водится, помогали советом все, кому не лень. А ленивых оказалось немного – Жедан с племянницей да гречанка. Даже скотт-кульдей и тот лез под руку Вихруши.

Розмич глядел на приготовления без особого интереса, уверенный, что лучшая помощь в таком деле – просто не мешать.

– Так чего? – шепнул подкрававшийся Ловчан. – Объясним Затее, кто здесь самый лучший воин?!

Дружинник мысленно проклял себя за бабий румянец, что вновь окрасил щёки. Одарил товарища недоумённым взглядом.

– Скажи мне, дескать, размяться хочешь, – ещё тише, со вздохом, пояснил Ловчан.

Розмич не сразу, но смекнул, в чём задумка хитреца. Говорить доле не стал, просто взялся за рукоять меча и кивнул другу – мол, пойдём. И если бы не Ловчан, ушел гораздо дальше, чем требовалось.

Разулись, стянули с себя безрукавки из плотных кож, остались в лёгких рубахах, льняных. Сошлись.

Пользуясь рассеянностью друга, Ловчан ринулся вперёд. Сперва пустился на обман, намекая сопернику, мол, смерть твоя справа. Вдруг красиво крутанулся и провёл подлинный удар снизу вверх, грозя рассечь Розмича от бедра до ключицы. Тот увернулся в последний миг, а жив остался только потому, что Ловчан поддался, как и должно в шутейном поединке.

Верно говорят – влюблённые теряют разум. А безнадежно влюблённый воин становится рассеянным и заторможенным, словно беременная баба.

Розмич ответил невнятным выпадом, который был отбит без малейших усилий.

Ловчану хотелось рыкнуть на друга – соберись! Но он старший, и потому – нельзя, даже если прилюдно роняет слёзы.

Новый удар Ловчана был так же красив, как и первый. И опять споткнулся о рассеянность и равнодушие соперника.

Розмич снова ответил нехотя – меч описал некрасивую, медленную дугу и не смог бы достать противника, даже в том случае, если бы тот сам прыгнул на острей.

Звон железа отвлек корабельщиков и от стряпчего, и вертелов с рыбой. Все, как один, смотрели в сторону поединщиков. А некоторые, из числа людей Жедана, даже подтянулись поближе, в надежде на доброе развлечение.

Розмич, погруженный в мысли о Затее, этого не замечал, зато Ловчан, по праву трезвого, видел всё. Дружинник быстро смекнул – при таком поединке интерес девушки будет на его стороне, а он, вместо помощи, окажет Розмичу медвежью услугу.

«А может, всё неспроста? – подумалось ему, когда отводил очередной ленивый удар соперника. – Вдруг это проклятие? Боги нарочно делают влюблённых слепыми и глухими, чтобы, пока те мечтают о безграничном счастье, другие, с холодной головой, добивались этой же любви иначе – обыденно и беспощадно? А может, и не проклятье, наоборот – оберег? Вот влюбится Затея в Ловчана, а Розмич тем самым спасётся от семейных сетей, пагубных для всякого воина».

Со стороны поляны послышались одобрительные крики. Ловчан успел глянуть в ту сторону: кричали люди Жедана, а дружинники, знавшие мастерство Розмича, смотрели на схватку с недоумением. Ловчан и сам не понял, почему обозлился.

Он ушел в сторону, сделал несколько обманных выпадов, а приблизившись к Розмичу, провёл очень хитрый, очень дерзкий удар, который закончился не рубленой раной, а постыдным ударом рукоятью по зубам. Ожиданья Ловчана оправдались...

Противник очнулся, потому как удар этот был его кошмаром, гнойной занозой, бедствием. Ровно два лета Ловчан и Розмич, сходясь в шутейных поединках, до крови подначивали друг друга. Розмич в первые дни разгадал все хитрости соперника, но этот удар понять не мог, ну никак! Бесился, злился, рычал зверем, но только к исходу второго лета разгадал, в чём соль. С тех пор повторять хитрость Ловчан не решался, знал – добром не кончится.

Розмич взревел. Глаза, что прежде были мечтательными и светлыми, потемнели. Воин враз преобразился, стал похож на лютого зверя, готового к прыжку. И этот прыжок не заставил ждать.

Лезвие клинка распорол воздух перед самым носом Ловчана, тот едва успел уйти в сторону. Новый удар метил в плечо, от него Ловчан тоже ушел, в последний миг отбил лезвие. Пригнулся, прошмыгнул рядом с Розмичем, как воришка, и снова удостоился внимания смертоносного жала. Отбил не иначе как волшебством.

Звон железа, что поначалу напоминал крики сонной птахи, превратился в песнь. Страшную, оглушающую, но прекрасную.

У Ловчана не было уж ни единой возможности глянуть в сторону корабельщиков, он только и успевал уходить и уворачиваться, отводить и отбивать. Сам сделал от силы пару выпадов, зато Розмич разил без передышки. Встретиться такой противник в настоящей сече – даже ужаснуться не успеешь.

В бешенстве Розмич действительно был прекрасен. Глаза пылают. Тонкий лён рубахи не может скрыть мощь тела, вздувающиеся бугры мышц. Каждый шаг, каждый взмах точен и невероятно быстр. А ведь ещё столь искусен, что в последний миг придерживает клинок, не позволяет ранить товарища. Сами богини не погнушаются поглядеть на такого мужчину...

А вот Затея, как выяснилось позже, погнушалась.

Девушка получила-таки нагоняй от дядьки и поклялась быть тише воды и ниже травы, по крайней мере, пока не придут в Белозеро. И хоть самой так хотелось поглядеть, что аж глаза чесались – наказа Жеданова не ослушалась. И когда дружинники одобрительно бурчали и похлопывали взмокшего Розмича по плечам, даже взглядом не одарила.

После неудачи с Затеей Розмич ходил смурной. Говорить разучился окончательно. Единственное, что мог – рычать на дружинников: кому живот подтянуть, кому меч провернуть, кому броню поправить. Даже испечённая Вихрушей рыба радости не прибавила.

У искрящегося костра было не столь весело, как в прошлый вечер – Затея сидела тихой мышью, рассказы мужчин слушала будто нехотя, то и дело перешептывалась с гречанкой.

– Покуда в Царьграде были, ромейский чуток выучила, – пояснил Жедан, уловивший недоумение Розмича. Гордости купец не скрывал. – Умная она у нас. Хотя на кой бабе ум? У баб всего делов-то: замуж выйти, детей родить и за хозяйством проследить.

– А зачем же ты её четыре лета по заморским странам возил? – встрял Ловчан.

– Так ведь... – Купец пожал плечами, его взгляд заметно потеплел. – Одна она у нас. Потому и балуем. Брат для неё лучших учителей нанимал, а девка о дальних странах наслухалась и на лодью напросилась...

– Одна? – изумился Ловчан. – Как это?

– А вот так, – сказал Жедан грустно. – Обделили нас боги. И меня, и брата. Правда, у брата хоть Затея народилась, и то... три коровы ведунье свести пришлось. – Помолчав, продолжил: – А я пять свёл, и всё равно ничего. В торговле удачи хоть отбавляй, а с детьми... Прокляты мы. Попорчены.

– А жену другую брать пробовал? – осторожно поинтересовался Ловчан.

– Пробовал. Первую выгнал, вторая сама сбежала, а третья – молодая – в Белозере сидит, ждёт.

– А порча? Неужто не снять?

– Наши ведуньи не смогли. Заморские тоже. Может, после этого похода... получится.

При этих словах из взгляда Жедана впервые пропала хитреца, а в самом ни следа мужской стати не осталось. Сидит на бревне – как мешок, набитый сеном. А вот слёз нет – видать, все выплакал уже.

– Покайся в грехах своих! Прими веру новую! Господь милосерд... – начал было Ултен, заслышав их разговор.

– Изыди, поп! – отрезал Жедан. – Иногда лучше спать, чем говорить. Завтра труден день...

Розмич снова взглянул на Затею, но уже иначе.

– Не порча это, – неожиданно для самого себя заключил он. – Недуг редкий. Не к ведунье идти надо, к знахарке.

– Так у меня ж всё... – заикнулся Жедан, подразумевая – покуда шевелится, к знахаркам мужики не ходят.

– Говорю же – недуг! – зло бросил Розмич и отвернулся, не понимая, какая муха его укусила и что вообще произошло.

Спал в эту ночь, как девушка перед свадьбой, – тревожно, урывками. И мамка с батюшкой снились, и порубленные враги. А под утро коркодила привиделась – разинула пасть, щёлкнула острыми зубищами и уплыла...

Дальше, как и обещалось, идти стало тяжелей. И даже попутный ветер не мог облегчить тягот, свалившихся на плечи корабельщиков. Река то петляла, то мелела, то сужалась. А пороги в этот раз испугали даже бывалых людей Жедана. Вдобавок с третьего дня зарядил дождь. Не сильный, но мерзкий – такой только жабам в радость.

Дюжина Розмича не роптала, трудилась в полную силу, никаких поручений не гнушась. Жедан забыл нагловатый тон, каким встретил воинов на пристани Алоди. Был до тошноты вежлив, и когда дело дошло до бечевы – первым впрягся в «петлю». Досталось и Ултену, но он, похоже, был только рад этому.

Сам Розмич уставал, как ромейский раб на триерах, но с радостью брался за любую работу – та в два счёта выгоняла из головы мысли о синеглазой Затее. Скоро на ладонях появились совсем не воинские мозоли, иные – рабочие.

Один раз, когда дождь сменило жарящее, как раскалённая сковорода, солнце, Ловчан уговорил Розмича снять рубаху и прямо так сесть на вёсла. Розмич так и не догадался, для чего это нужно, а вечером, поймав заинтересованный взгляд Затеи, смутился до одури и едва не набил морду всей вверенной ему дюжине...

Полбу сдабривали летними грибами, сухари после каторжного труда уплетали, как свежий каравай. Рыбу не удили, добывали острогами прямо у берега. Благо, даже в летнюю пору речка кишмя кишела живностью.

А раз Буй наудачу ткнул копьём в высокие, подозрительно раздвинутые камыши. Руки у воина крепкие и цепкие – отпускать древко даже не собирался, за что и поплатился. Мотнуло в сторону с такой силой, что тут же оказался в реке, завопил. На помощь ему подоспели ещё три пары рук, не менее крепких. Отпускать добычу рыболов отказался.

Огромная рыбина показала стоящим на берегу хвост – немногим уже, чем плечи Розмича, и потянула Буя ко дну. Трое помощников попрыгали в воду, разя могучего противника – острогами и топорами. Чуть сами не утопи, дно вроде бы и под ногами, да илистое оказалось. Огромную, неохватную склизкую тушу с превеликим трудом выволокли на сушу.

Глядя, как противится речная животина, решили, уж не первого ли слугу Водяного поранили. На деле оказался старый-престарый сом. Оказавшийся вне родной стихии, древний хищник пялил огромные глаза и, казалось, проклинал их. На заросшей мхом морде – лютая ненависть.

Увы, есть сомье мясо нельзя – больно старое. Таким даже подзаборный пёс в голодный год побрезгует. Зато хвастаться победой над чудищем можно до скончания века. И чтобы никто не подумал, привирают рыбаки, каждый вырвал из пасти ещё трепыхающегося противника по зубу. Ултен тоже взял на память.

Глядя на такое дело, Затея побелела и спешно отошла от явившихся мужчин. Рабыня-ромейка принялась гладить её по голове и что-то нашептывать. Розмич подошел было извиниться за невольную обиду, но был отправлен восвояси красноречивым взглядом грекини.

...Ещё стало ясно, почему Жедан так преуспел в торговом деле. Кто ж добровольно на полный опасностей путь согласится?! Лучше потеряют пару недель, но пройдут иной, лёгкой дорогой. А этот не боится ни работать, ни рисковать – за такое любой бог награду пошлёт.

А через девять дней после того, как вошли в устье, речные берега расступились, открывая взглядам бесконечное Онежское море.

– Ну, теперь передышка, – заключил старый кормщик, которому на пути пришлось тяжелей, чем остальным. Только несведущим кажется, сидеть у правила – дело плёвое, знай себе поворачивай. Кормчий должен не только видеть и понимать воду, но и чувствовать её. Одно неверное движение – и лодья на мели! И это ещё добро, если без пробоины! Тогда – дело пропащее. И о товаре забыть можно, и о скором возвращении домой.

Онежский берег по обе стороны Свири, внедрившейся в сушу, казался не слишком высоким. Песчаный, поросший густым лесом...

– Река тут глубока, потому степенна, – знающе проговорил кормщик. – На северном берегу, – молвил он и махнул рукой вдаль, – живут дикие племена, высший их бог – Юмола, его задабривают эти дикари кровавыми жертвами, не брезгуя прирезать не то что мужчину, а и женщину, и даже её дитя. Да минует нас их злоба.

– Ну, не совсем дикие, – поправил купец. – Бьярмы они, этим всё сказано. Другие. Иные, чем мы, словене. Покуда по Неяве шли, сам Волхов нас хранил. Здесь чужая вода. Надо с духами новый договор учинить... – пояснил Жедан. Розмич кивнул. – Эй, Ултен! Ты бы на всякий случай свою книгу почитал да святым каким помолился, хотя, коли они, как и твой распятый, никогда при жизни не ходили морем, так и не помощники нам в этом деле.

– Святой Брандан был знатный мореплаватель! – возразил было монах.

– Вот ему и помолись особенно!!

Затея речей этих не испугалась – за четыре лета и не такого наслушалась. А вот Ултен, с некоторых пор всё время сидевший подле девушки и её ромейской рабыни, выкатил глаза и приоткрыл рот.

– Будто на твоей родине этакое не бывало, – усмехнулся кормчий.

Изумление кульдея сменилось растерянностью, щёки тронул румянец.

– В стародавние времена всякое бывало, – ответил он. – Да и сейчас, если честно, тоже случается. Народ неохотно внемлет голосу разума...

– Какого такого разума? – скривился кормчий.

– Какого-какого... – пробормотал Ултен. – Обыкновенного. Разум, устами Священного Писания, говорит нам: «Господь милостив. И покуда верим в Господа, никакая тварь тронуть не посмеет. Что тот демон, коему молится дремучее племя, в сравнении с Господом?»

– Что? – нехотя спросил седатый кормщик.

Скотт не обиделся, не насупился. Это раньше, слыша подобные речи, обижался и с головой кидался в спор. Сейчас стал мудрее, да и годы жизни в Алоди, где о Христе и слыхом не слыхивали, научили смотреть на чужое неведение проще. Потому начал терпеливо объяснять:

– Господь наш всемогущ. Он во сто крат сильнее любого демона. Коли человек верует в силу Господа – тот спасёт и защитит. Нет у демонов Бьярмии власти над тем, кто зовёт себя христианином, молится и постится.

– Ага. Ты это вон им, – кормчий кивнул в сторону далёкого берега, – расскажи. При случае. Если рот открыть успеешь.

– А ну тихо! – прорычал Жедан. Как только умудрялся, стоя на носу лодьи, слышать все разговоры? – Накличешь ещё!

Кормчий ответил лениво, но смущение в голосе всё-таки слышалось:

– Не накличу. Макушка лета давно миновала, а до осени ещё долго. У бьярмов сейчас иные заботы.

– Всё равно молчи, – гаркнул Жедан. А под нос пробурчал: – И без того слишком хорошо идём. Вот и Онега спокойна, как облаканная жена.

В этот раз везенье корабельщиков и впрямь было велико. Жедан не единожды ходил этим путём, и всякий раз что-нибудь да случалось. Теперь же всё как по маслу. Сначала купец волновался, всерьёз размышлял, откуда ждать подвоха. Но поразмыслив – успокоился. Понял – дело в дружинниках.

Могучие воины князя Олега принесли на борт не только острые мечи, с ними пришла Удача. Не зря ведь слава Олеговых воинов на весь словенский мир гремит, а слава предводителя отряда – Розмича – и вовсе какой старины достойна. И, если по чести, Жедан бы их и без дирхемов с собою взял. И сам бы серебра отвалил.

Солнце стояло ещё высоко, но кормчий, преодолев несколько вёрст, начал править к берегу. В этот раз купец не спорил – стоянку, к которой направляется лодья, знал лучше

многих. Знатная стоянка. Отдохнуть как следует, а на рассвете – снова в путь, к восточному берегу.

Оттуда ещё восемь или девять дней небольшими речками да волоками можно перебраться в Кемское озеро, а потом, по Кемии, и в самое Белое выплыть. Если повезёт, конечно. В том, что повезёт, Жедан уже не сомневался.

– Бьярмы? – удивился Розмич.

Об этих племенах им, ещё отрокам, рассказывал Олегов брат, Гудмунд. Это случилось в те стародавние времена, когда Гостомысл ещё искал себе преемника, а Рюрик правил в Вагрии⁷. И никто не знал Олега, но уже слышал про Орвара Одда.

Дракары Одда-Олега и Гудмунда, ведомые молодыми и жадными до приключений викингами, промышляли на берегах той реки, что у вендов, а значит, и у словен, именуется Двиною⁸.

И был с ними добрый воин Асмунд, такой же долговязый, как и Олег, но даже покрепче. Вместе с ним бок о бок и выросли братья, а отец Асмунда – Ингьяльд Старый – обучил всех троих разным премудростям. Завидев селение, Олег предусмотрительно приказал своим людям оставаться на воде, сам же он, вместе с Асмундом, сошёл на берег. Это был едва ли не первый поход, в котором не было над Олегом старшего, и он дерзко мечтал испытать удачу, а прочие были ему под стать. И надеялись они на изрядную добычу.

Викинги беспрепятственно вошли в деревню, ибо бьярмы, а то была их земля, справляли один из тех праздных дней, когда никто не мог остаться трезвым. В большом длинном доме они застали многих мужчин, там и яблоку негде было упасть. Бьярмы шумно пировали и не обратили на вновь прибывших ни малейшего внимания. И не слышали викинги знакомой речи, и не понимали Олег с Асмундом ни единого слова.

И всё же среди бьярмов нашёлся один пленённый ими мурманин, который указал Олегу на могильный курган, туда бьярмы приносили серебро всякий раз, как умирал кто-то в округе. Вот она, удача!

Но утром, едва лишь дракары ткнулись в прибрежный песок, к бортам подступили протрезвевшие бьярмы, а предводительствовал ими тот самый, кто указал на полный сокровищ курган.

– Предатель! Зачем же ты помогал нам?! – крикнул Олег и подал знак своим дружинникам, чтобы готовились к сече.

– Это плата за то оружие, что вы нам должны оставить, и ваши суда! – был ему ответ.

– Наше оружие вы отнимете только вместе с жизнью, – молвил Олег.

– Быть по сему, – воскликнул предводитель бьярмов.

Бой выдался кровавый, и хотя викинги уступали врагам в числе, превзошли в умении. Десятки бьярмов погибли под стрелами Олега и были сокрушены его посохом. Теперь уже, казалось, сами боги отдавали богатую добычу в руки викингов. Гудмунд на всякий случай отвёл корабли от берега, а Олег с отрядом взошёл на могильный курган и собрал серебра, сколько каждый сумел унести...

Но боги лишь проверяли смертных, потому как на обратном пути корабли попали в жестокий шторм. Тогда Олег, рассудив, что сокровища были прокляты, решил сохранить людей, а серебро приказал вышвырнуть за борт. И едва лишь викинги сделали так, ветра смолкли, тучи разверзлись, и лучезарная Сол озарила морякам путь к долгожданному дому.

⁷ Вагрия – область на Южной Балтике, примыкающая к Ютландии.

⁸ Северная Двина, «Вина» древнеисландских саг.

Глава 4

Рыба дружинникам опротивела – хуже горькой редьки. Даже умение Вихруши запекать речную живность так, что мякоть сама от костей отходит, радости уже не вселяло. Поэтому, едва лодья подошла к онежскому берегу, Розмич подхватил полную тяжёлых стрел тулу, лук и свистнул Ловчана. Охотиться.

Лес был непривычно тёмным: кажется, немногим северней Ладоги, а дерева-то сплошь в иголках. Розмичу даже подумалось, что, кроме белок и ежей, здесь и охотиться не на кого. Но вскоре умелый Ловчан сыграл тетивой, в прыжке снял жирного серого зайца.

– Не иначе как вожак, – настороженно шепнул Розмич, взглянув на добычу.

– Не повезло ему, – ухмыльнулся Ловчан. – Значит, если и считался вожаком, то зря.

Действительно: вожаку без Удачи никак.

Дальше лес чуть расступился. Охотники пересекли кабанью тропу, непривычно вертикальную. В нескольких шагах от места, где только что прошли, она круто уходила в сторону, к единственному пологому спуску.

– Глянь, – тихо, чуть ли не беззвучно сказал Розмич.

Впереди, всего в двух десятках шагов, на крошечной полянке стоял молодой лось.

Луки вскинули одновременно, тетивы спустили разом. Две стрелы продырявили толстую шкуру, каждая вошла в звериную шею по оперенье. Сохатый заголосил, шарахнулся в сторону, в воздухе вспыхнул отчётливый запах крови – одна из стрел задела шейную вену.

– Вот зараза, – прошептал Ловчан. – Нет бы к стоянке поближе...

– Ага, – ухмыльнулся Розмич. – Посетуй ещё, что сам шкуру с себя не спустит и на вертел не запрыгнет.

– Ну помечтать-то можно!

Идти за лесною короною было проще простого – тот уходил громко, влача кровавый след. Когда настигли, ещё трепыхался. Пришлось перерезать горло и дожидаться, пока оставшая кровь сойдёт. К этому времени уж обещались сумерки, добавляя картине особо зловещий оттенок.

– Не заплутаем? – осматриваясь, спросил Розмич.

– Не, – отозвался Ловчан и, неопределённо махнув рукой, добавил: – Стоянка во-он там.

– Ладно, – кивнул Розмич. Он протянул другу свой лук, с тихой руганью взвалил тушу на плечи. – Ты первый.

Ловчан окинул соратника внимательным взглядом, заметил с хитрецей:

– Видела бы тебя Затея...

Зря сказал. Розмич тут же сбился, едва не потерял равновесие. Только чудо спасло от некрасивого, неприличного падения.

– Веди, – прорычал он, мысленно проклиная внезапную слабость в ногах и румянец, вновь обогривший щёки.

Ловчан повёл другим путём – минуя кусты и заросли. Воин хорошо чувствовал направление, шагал уверенно. В какой-то миг деревья расступились, открывая взорам берег и тёмную гладь Онежского моря.

– Глянь, – усмехнулся Розмич. Кивнуть или указать рукой, куда именно смотреть, он не мог, но Ловчан и сам догадался, уставился на воду. Вот только ничего не увидел.

– И что?

– Так ведь лодка.

– Какая лодка?

– Ну, вон же... Прямо посередине моря! И мужик с веслом стоймя... – пояснил Розмич. Ловчан даже остановился и ладонь ко лбу приставил.

– Далеко ж ты глядишь, зоркий сокол! Да где?!

– Стареешь... – не без издёвки заключил Розмич. – Уж и глаз не так востёр, и меч, поди... не так твёрд.

– Да ну тебя! – огрызнулся соратник и прибавил шаг.

Розмич уже представлял, как заявится на стоянку с добычей на плечах. Уже слышал одобрителный гул дружинников, видел, как в яви, синие, полные изумления глаза Затеи. На сердце сразу стало теплей.

– Долго ещё? – спросил он.

– Недолго, – отозвался провожатый Ловчан, но через несколько шагов замер и сделал знак молчать. Розмич вмиг насторожился и быстро понял, на что намекает друг.

Тишина была слишком необычной, давящей. Даже птицы умолкли, даже чайки превали вечную перебранку. Ловчан оглянулся, в глазах беспокойство. И нешуточное! Подскочил, помог Розмичу как можно тише свалить тушу на землю.

Воинское обыкновение – не то что спать с мечом в обнимку, но даже до ветру без него не отходить, коль в чужой стороне, было как нельзя кстати – на руку. Но прежде, если опасения верны, каждый намеревался выпустить хотя бы по паре стрел. Двигались, как тени, бесшумно. Разошлись на десяток шагов, луки на изготровку, беззвучно двинулись вперёд.

Ткань лесной тишины прорезали звуки – голосов несколько, язык чужой, незнакомый. Бранятся вроде. Но не промеж собой...

Здесь, как заметил Розмич, берег был очень крут, поднимался на добрый десяток саженой. Лагерь располагался внизу, у самой воды, на широкой, ровной, словно стол, площадке. Когда увидели с моря, показалось – это морское чудище в незапамятные времена выпрыгнуло из воды и откусило себе суши, случайно сотворив удобное для отдыха корабельщиков место.

Подобраться к нему неприметно, вдоль берега – невозможно. Справа и слева хищные зубья скал, способные в один миг распороть брюхо лодье. Меж ними только небольшая лодка проскользнуть может. Поэтому нежданных гостей с Онеги не опасались.

На крутых склонах пушился игольчатыми лапами подлесок из молодых сосенок, выше редкие колючие кусты и могучие смолистые стволы – сосны, достойные стать мачтами самых длинных дракаров.

Пригибаясь, Розмич и Ловчан спешили к подлеску, думали – густая поросль поможет укрыться, подойти к стоянке вплотную незамеченными. Но едва Розмич сделал последний шаг, отделявший от лесной ограды, на него вылетел человек. Тетива ныла в ожидании жертвы.

То ли чудо, то ли милость неведомого Господа не позволила пальцам дружинника разжаться, отпуская на волю стрелу.

Ултен смотрел на воина бешеными глазами, его рот распахнулся в беззвучном крике. Наполовину обритый, с раздвоенной бородой, напоминающей рога, выросшие из подбородка, в длинных иноземных одеждах, кульдей походил на переевшего мухоморов лешака.

«Что там?» – кивком спросил Розмич.

Ултен уже опомнился и, чтобы ненароком не закричать, зажал себе рот.

Увы, кульдей не был знаком с воинским искусством, он не смог объяснить ничего, только мотал головой в сторону моря, мол – там! Враги!

«Это и без тебя поняли!» – мысленно рыкнул Розмич, давая кульдею знак уходить.

А в следующее мгновение узнал: что-то, а удирать священники умеют!

Он поймал тревожный взгляд Ловчана, кивнул – идём вниз, одновременно. Но не успел сдвинуться с места, как справа, в паре шагов, из подлеска вынырнул чужак.

«Накаркали! – зло подумал Розмич. – Бьярмы!»

Тетива пропела, но стрела ушла в молоко, а враг уже мчался на Розмича с изготовленным для решающего удара коротким копьём.

«Кто же так нападает?» – молчаливо усмехнулся дружинник.

Достать клинок Розмич не успевал – бьярм был слишком близко. Он ловко ушёл от удара, стеганул врага луком и только после этого смог обнажить меч и вторым движением окровавить железо. Предсмертный вскрик разбудил бы всю округу, но нужды в том давно не было – бьярмы взбирались по склону один за другим.

«Погоня за Ултенем», – догадался Розмич и успел, встретившись с Ловчаном взглядами, показать – давай живо за монахом. Напарник кивнул и скрылся из виду.

Прежде чем на него выскочило ещё четверо, Розмич успел отступить под защиту густого, ветвистого, в саженный рост можжевельника.

Простора для открытого боя нет... Хвоя предательски шуршит под стопами.

Его окружали. Наступали уверенно, бесстрашно. Конечно, чего бояться-то вчетвером?

Розмич ударил первым. Стремительный рывок вправо заставил опасно открыться, но щербатый бьярм, оказавшийся ближе других, не воспользовался мгновением преимущества. Зато тот, правый, до горла которого едва хватало длины меча, – всхрюкнул и начал заваливаться, судорожно сжимая рукоять молота-клевеца.

Развернувшись, Розмич постарался добраться и до щербатого. Но тот вышел из-под удара и выпадом короткого копья пропорол словену вывернутые мехом внутрь кожи, но тела едва коснулся.

– Царапина, – сообразил словен.

Он отпихнул бьярма ногой, принимая на меч удар третьего противника. Четвёртый тоже напал, пользуясь подаренной возможностью. От смертельной раны Розмича спасло не мастерство – удача: он чуть поскользнулся, уйдя в сторону буквально на пядь, остриё прошло близ виска.

Внизу раздался приглушенный, полный ярости крик. Розмич узнал Вихрушу – ловкого молодого дружинника.

«Значит, ещё живы!» – промелькнуло в голове и придало сил.

Клинок пошел по стремительной дуге, заставив противников отступить на полшага. Новый выпад Розмича закончился ещё одним криком – щербатый бьярм выронил оружие, зажимая ладонями окровавленный живот, его глаза округлились. Дикарь не верил, что это конец.

«Пленные! – догадался Розмич, уходя в сторону от смертоносного железа. – Они взяли пленных! Значит, кого-то ещё можно спасти!»

Эта мысль придала сил, вскипятила кровь. Со звериным рыком дружинник бросился вперёд, тесня двух оставшихся врагов обратно, к стоянке.

«Нужно уходить! Уйти... и вернуться, чтобы спасти хоть кого-то! Но разве не позорно показать спину?»

– Умри! – проревел Розмич, он обращался к обоим. Новый выпад не достал никого...

Бьярмы отпрянули на добрую сажень, а Розмич развернулся и помчался вдоль крутого берега. В лес, туда, где недавно скрылись Ултен и Ловчан. Его настиг хохочущий дикарский крик. Чутьё подсказало обернуться, и вовремя!

Розмич отбил остриё, грозившее впиться в ногу. В следующий миг сам располосовал... увы, лишь воздух. Свистящее железо вновь заставило противников отшатнуться.

– Сдохните! – со звериным оскалом прорычал Розмич.

Ему ответили. Слов дружинник не понял.

Бьярмы напрыгивали, как брехливые дворовые шавки на старого бойцового кобеля. Скалились, пытались поддеть на копыя, заставляли отступать шаг за шагом. И Розмич чуял

– рука изменяет, ноги немеют. Как некстати перед глазами в неуместном видении возникло лицо синеглазой девицы, а в мыслях прозвучало: «Затея! Затея в плену!», враг таки достал.

Смертоносное железо не причинило вреда – бьярм тоже устал, бил наудачу, потому силы вложил недостаточно. Лезвие снова пропоролло кожи верхней рубахи, всего лишь...

Зато второй, чей клинок мгновеньем раньше Розмич не просто отбил – выбил, подскочил и ударил ногой по колену. Дружинник потерял равновесие, но вместо того чтобы упасть на услужливо подставленный меч – повалился на спину, тут же перекатился.

Он был на самом краю. В полушаге ровная поверхность превращалась в крутой, почти отвесный склон. Чтобы подняться и продолжить бой, Розмичу не хватило мгновенья. Песчаный выступ под воином просел и в тот же миг обвалился, увлекая человека вниз, на хищные зубы скал.

Ловчан мчался за кульдеем и мысленно проклинал трусость, заставившую Ултена улетывать с такой быстротой. А нагнав – замер, удивлённо вытаращил глаза.

Священник торопливо срезал сучья с выломанного непонятно где осинового дрына. На лице остервенение, неподобающее даже простому христианину, не то что кульдею. Небольшой нож то скользил по коре, то оставлял зазубрины.

Приближение дружинника Ултен заметил, но головы не поднял. Ловчан не на шутку растерялся.

– Ты что делаешь?

– Оружие, – буркнул священник. – Я кулаками не очень, а шестом владею.

– Так ты... поэтому удирал? За оружием?

Только теперь Ултен поднял голову, во взгляде читалась ярость.

– Сколько их? – пресекая и собственное недоумение, и негодование оскорблённого священника, спросил Ловчан.

– Три дюжины. Бьярмы. Они подошли вдоль берега, на маленьких лодках. Половину у реки повязали, со спины напали. Остальных стрелами побили. Много стрел было.

– Сколько наших осталось?

– Не знаю. Жедан с девицей точно живы, а остальные... Как разобрать, кого только оглушили, а кто дух испустил?

– А сам? – в голосе Ловчана прорезалось подозрение. – Как спасся?

Щёк священника на миг коснулся румянец, но ответил прежним деловым тоном:

– Я уединился в тот час. Псалмы читал.

Несмотря на серьёзность происходящего, Ловчан не удержался от ухмылки.

– В кустах?

– Это было единственное место, где меня не видели и вопросами не донимали, – нахмурился кульдей. В правдивости Ловчан не усомнился – стоило Ултено раскрыть псалтырь, как к нему тут же слетались любопытные. Вернее, насмешливые.

– Давай помогу.

Дружинник перехватил древко прежде, чем сказал. Ловко извлёк из-за спины охотничий топор и продолжил начатое кульдеем дело.

– Сейчас Розмича дождёмся и решим, как быть. Как думаешь, бьярмы сразу уйдут?

– Я мало знаю про этот народ, – отозвался Ултен. – Они дикари, как и вы.

Грозный взгляд Ловчана, брошенный будто случайно, заставил Ултена подавиться последними словами, забормотать извинения.

– Убитых они принесут в жертву своим идолам, – рассудил монах. – А пленных...

– Пленных тоже пожертвуют, но не здесь. Отвезут в селенье. Кого-то, из сговорчивых, могут оставить себе. Рабами или равными – не знаю. Тех, кто уже мёртв, жертвовать будут

здесь. Жедановскую лодью не бросят – товару уйма, а само судно сторговать можно, если уметь. Отгонят. Вот только умеют ли... Да и вечер, считай.

– Да. Уйти раньше утра, покуда ветер не переменится, не смогут, – кивнул Ултен.

– И не осмелятся по темени... А ты откуда про здешние ветра знаешь? – удивился дружинник.

– От купца вашего слышал.

– Что дальше? – спросил Ловчан, протягивая кульдею очищенную от сучьев жердь. И сам же принялся рассуждать: – Тебя заметили, Розмича, видать, тоже. Но ежели на стоянке три дюжины или поболее...

– Меньше, – возразил монах. – Две. Кой-кого твои сотоварищи порубить успели. Я видел.

– Хорошо. Не зря пожили, выходит. Но и две дюжины не страшатся троих, один из которых... кульдей. Да и искать нас по лесу без толку.

– Ваш старший точно вернётся? – вдруг забеспокоился священник.

– А куда он денется?!

Ловчан не сомневался в друге. К тому же ну сколько бьярмов могли погнаться за кульдеем? Двое? Трое? А может, и вовсе... один. Вряд ли дикари распознали в Ултене мужчину – одежда-то монашья даже вблизи точь-в-точь бабья! Такой воин, как Розмич, даже троих положит шутя.

– Как Розмич воротится, пойдём к стоянке. А там уже решим, – заключил Ловчан.

Ултен кивнул и начал примеривать осиновый дрын к воображаемому противнику.

– Как бы не зашиб! – попятился от него дружинник.

...Сумерки грозили смениться настоящей темнотой, а Розмича всё не было.

– Ты ничего не напутал? – рыкнул Ловчан. – Может, их не две-три дюжины было, а больше?

– Я верно посчитал, – бесцветно отозвался кульдей.

– Сколькие за тобой гнались?

– Двоих или троих видел, – пожал плечами священник.

Внешне Ловчан напоминал разъярённого зверя, а внутри... нет-нет да подрагивал. И люто ненавидел себя за такую трусость.

Дружинник не боялся ни врага, ни смерти – а чего страшиться-то? Каждый рано или поздно уйдёт на зелёные Велесовы поля! Он опасался другого – без Розмича им бьярмов не одолеть. Даже если Ултен окажется непревзойдённым бойцом, что сомнительно, даже если его распятый бог сойдёт с небес. Слабый, наверное, бог, коли дал себя распнуть...

Наконец, Ловчан произнёс самые жуткие слова. Слова, от которых немел язык:

– Дальше ждать без толку. Нужно идти.

Ултен взвился на ноги. Он светился решимостью, какой позавидовал бы любой, даже самый отважный воин Славии⁹.

Считается, хладнокровный боец сражается куда лучше того, кто горит ненавистью. Так-то оно так... но порой способность мыслить здраво только мешает.

Ловчан пытался распалить себя, превратить маленький уголёк ярости в настоящий костёр, кружащий голову и велящий действовать без оглядки, – не получалось. Зато сомнения росли, грызли изнутри: пленных освободить не получится, только умереть самим. И вместо погребального огня, пламени, уносящего душу в вышний мир, – оказаться, как пить

⁹ Славия – общее название всех Новгородских земель: Приильменя, Приладожья и далё до Белого озера.

дать, на требнике дикарского Юмолы?! Что может быть хуже? Дружинник мрачно поглядел на монаха.

Ултен тоже не верил в победу и насчёт участи своего кульдейского тела не обольщался. Его губы беззвучно шевелились, но не в молитве. Священник проговаривал имена родичей – сперва живых, после и умерших, прося последних не сердчать, если чем обидел, и готовить бочку хмельного мёда, дабы отметить скорую встречу.

К стоянке пробирались окольным путём, заложив широкий крюк по лесу. Разум подсказывал – хоть бьярмы и знают об уцелевших врагах, караулить в лесу не будут. Но о том, что дикари потеряют всякую бдительность, можно и не мечтать.

Когда на лес спустилась тьма, принеся с собой недобрую тишину, дружинник и кульдей уже прятались среди молодых, приземистых елей. Ниже, всего в двух десятках саженей, суетился враг.

Вот узкие, длинные долблёнки бьярмов, вытащенные на берег. А в нескольких десятках шагов, кучкой, сидят повязанные пленные. Лиц в темноте не рассмотреть, только очертания. Посреди лагеря тускло мерцает пламя. Но уж разгорается – ярче и ярче, освещая уложенные в ряд трупы. Одежд на мертвецах нет.

Зверь появился внезапно. Просто шагнул из темноты в освещённый круг. Тут же припал к земле, пошел, тяжело передвигая лоснящееся тело. После взвыл. Не волком, не медведем, а иначе. Ни Ловчан, ни Ултен прежде подобных звуков не слыхивали.

Будто вторя голосу зверя, пламень взметнулся к небу. Кажется, усеянная звёздами высь содрогнулась.

Кульдей первым различил клыки-бивни, огромные, до самой земли. Едва сдержал рвущийся из груди ужас. В тот же миг зверь поднялся на задние лапы и начал обходить костёр по внутреннему кругу, а священник осторожно выдохнул – не чудище, человек облачённый.

Бьярмы обступили костёр, внимая каждому жесту, каждому шагу вожака. В отсветах пламени они со спины не сильно отличались от своего предводителя.

Вскоре к шуму прибоя добавился низкий, гортанный звук. Ултен различил в нём песнь самой Преисподней. Уродливая рогатая морда дьявола привиделась ему среди огненных языков – владыка Зла довольно скалился, предвкушая пир.

– Пойдём, – выдохнул кульдей.

Дружинник только зубами заскрежетал.

– Пойдём, – повторил Ултен.

– Рано, – процедил Ловчан.

– Нам всё равно не выстоять, – зашептал священник. – Так хоть обряд дикарский оборвём.

Воин оскалился, прошипел:

– Нет. Мы лучше свой обряд сотворим. Да такой, что бьярмы от всех богов отрекутся! Кажется, кульдей впервые не испугался кровожадности словена.

– А разве одно другому мешает? – послышался сзади насмешливый шепот.

Обернулись разом. Ултен торопливо перекрестился, а Ловчан начал чертить в воздухе обережный знак, что ещё больше развеселило пришельца.

– Но как? – наконец выпалил священник. – Мы думали...

– А мне воевода с детства говорил, что думать вредно! – оскалился Розмич. – Рубить надо, чтоб руки не дрожали!

– И всё-таки? – поддержал кульдея Ловчан.

Розмич небрежно махнул ручищей.

– После расскажу.

– А нас-то как нашел? – не унимался Ловчан.

– Чутьё! – заговорщицки прошептал «меченый» и важно ткнул пальцем в небо.

Впрочем, рассказывать о своём спасении правду не собирался. Не поверят.

...Сквозь ресницы Розмич углядел Его – высоченного, косая сажень в плечах. Борода волховская, седая.

Незнакомец склонился над ним, а Розмич сам того не заметил, как перестал притворяться и вперил в старика взгляд затравленного зверя.

– Не бойся, парень. На кой ляд ты мне сдался! – пробасил дед. – Чего разлётся?

На тронутым всеми северными ветрами лице вроде бы глаза нет – левого. Примечательное такое – черты острые, словно прибрежные скалы, хищный горбатый нос, рот кривоват.

Розмич приподнялся на локте, сился встать. Не тут-то было. Тогда незнакомец протянул ему длань, мощную и холодную, и человек уцепился за нее, как тонущий за спасительное весло.

Распрямился, пошатнулся, но устоял, удержанный цепким стариком. Был он много выше Розмича, да ещё сутулился.

– Благодарствую, отец. Но дальше уж я как-нибудь сам, – пробормотал Розмич, стараясь не глядеть на неведомого помощника.

– Другой бы спорить стал, а я всегда «пожалуйста», – ухмыльнулся седобородый и отступил, словно полмира высвободил из тени.

– Кто ж ты есть, добрый человек? – спросил дружинник, вытряхивая из-под рубахи да брони въедливый песок.

– Лодочник. Перевозчик я, – отозвался басовитый незнакомец.

– Выходит, сами боги тебя послали. Так бы и провалялся без памяти, кабы не ты... – рассудил Розмич, поглядев на красноватые облака над Онегой.

– Это как посудить. Но поспешай в другой раз медленней, – вымолвил старик, тяжело присаживаясь на обломок скалы так, чтобы быть вровень с Розмичем.

Тот нащупал на груди обереги, поцеловал, сунул под рубаху: «Выручили!»

– Кабы не сосенки молоденькие да не лишайник богатый, в лепёшку бы ты, парень, расшибся, – пояснил бородач, указывая на крутой склон, с которого падал дружинник.

Розмич схватился за пояс – нож на месте, но вот меч! Да неужто выронил? Летел кубарем да вверх тормашками?!

– Там... – продолжил высокий, как мысли читал.

И точно, на песке поблёскивал верный ему доселе клинок. Не дался супостатам! Розмич ликовал. Поднял, огладил, вытер руду, окровавив рукав.

– Раз уж ты меня выручаешь сегодня, отец, так не скажешь ли, видал ещё кого? Век твою услугу помнить стану, а жив буду – за наградой не постою.

– Сделай то, что должен, Розмич. А там сочтёмся, – молвил басом неожиданный помощник.

– Откуда знаешь имя моё? – изумился тот.

– Женщина звала: «Розмич! Розмич!» Я и смекнул, что ты это, – пояснил седобородый и сверкнул единственным оком.

Сердце Розмича споткнулось и тут же заныло. Даже боги не знают, как трудно было побороть это сладко-щемящее чувство. Но в последний раз мысли о синих глазах Затеи обошлись слишком дорого. Он теперь скорее Онежское море выпьет, чем позволит себе повторить ошибку.

– Не иначе Затея! Напали на нас, не отбились. Эх, кабы знать, где бьярма сыскать.

– А где потерял, там и ищи, молодец. Пора мне, – старик поднялся, вырос над Розмичем исполином, а в руке – как только дружинник прежде не приметил – копьё, да нет – посох дорожный. – Дальше ты сам, голова, чай, не для шапки будет, – сказал да и шагнул, уж у самой воды стоит.

– Стой, дед! – крикнул Розмич ему вслед. – Ты куда? Если лодочник, так у тебя и лодья имеется?

– Знамо дело, есть. Но не про тебя. Сказал же, мне на тот берег. А твои дела решать на этом, – отозвался старик басом.

«Розмич!!!» – вдруг донеслось издалека.

– Ну и шут с тобой! – выругался дружинник и, огибая валуны, заторопился на зов, крепко сжимая рукоять.

Он всё же обернулся на бегу, но перевозчика и след простыл, и лодки его не видать.

Глава 5

Песнь бьярмов была длинной и зловещей, вот только суровому Юмолу вряд ли понравилась, иначе не позволил бы Розмичу вот так запросто подкрасться к самой кромке озарённого светом круга. А может, заслушался громовержец и, роняя слёзы умиления, не заметил смельчака... С богами-то, как и с людьми, всякое бывает.

Ловчан притаился немногим дальше. При нём, кроме меча, по-прежнему лук и остаток стрел в колчане. Ултен с проворством мальчишки пробрался на другую сторону площадки: если удастся – освободит пленных, если нет – нападёт. Все замерли!

Розмич оказался до того близко, что в дымном воздухе мог различить запах сырых кож и крепкого пота. Собранный, изготовившийся к прыжку, как лютый зверь, он недовольно морщился – ну и вонища! У каждого врага свой запах, особенный. Но ни лопь с корелою, ни даны, ни другие, встреченные в битве, не воняли так явственно, как эти.

«Пададь!» – мысленно заключил Розмич.

Не успел подумать, как песнь прервалась. Вожак бьярмов, обряженный в шкуру незнакомого зверя с длинными верхними бивнями, вскинул руку. Двое воинов спешно подскочили к сложенным в ряд телам словен, но прикоснуться к кому-либо не успели – вожак глухо вскрикнул, с грохотом рухнул на землю. Из горла хлестала кровь.

Ловчан был не самым метким лучником, но в этот раз рука промаха не знала. Вслед за вожаком на песчаный берег упал ещё один, потом третий, четвёртый...

Розмич сорвался с места, тенью скользнул за спину ближайшему воину. Рубанул под колени и ушёл снова во мрак. Бьярм пронзительно закричал и распластался лицом ниц, едва в костёр не угодил.

Выходить на свет Розмич не собирался и втайне благодарил Юмолу за то, что завещал своему народу такие обряды – долго мычать и тарашиться в пламя. Пока глаза врагов привыкнут к темноте, половину можно выкосить. Если бы не слепые выпады бьярмов, всё было бы ещё проще.

Он мчался вихрем, крутился волчком, разя налево и направо. Он словно бы присутствовал всюду, но в то же время нигде. Бьярмы не успевали за его стремлением и мешали друг другу, сиюминутно достать неуловимого врага.

Когда к костру подлетел Ловчан, сеча превратилась в настоящее побоище. Этот не стремился ранить или покалечить, рубил от души и наверняка. Казалось, что с Ловчаном справиться куда проще, чем угодить в мчащуюся по кругу тень. Дружинника обложили со всех сторон, пятеро дикарей скалились, тыкали копьями. Ловчан отбивался с азартом загнанной росوماхи, шипел. Пока не надоело. После заорал разгневанным медведем, грудью бросился на врага и прорвался на волю. Ни единой царапины не получил.

Вдалеке раздался победный крик – это Ултен добрался до пленных, уложив дрыном обоих сторожей. Тут уж с бьярмов слетели остатки оцепенения. Может, гнева Юмолы побоялись – заждавшегося обещанной жертвы.

Бой закипел с новой силой. Ловчан похаживал по поляне, раскачиваясь из стороны в сторону, приглашая: «Что же вы, ребята?! Налетайте, кому мало!» Верткие бьярмы старались достать воина, но страх удерживал их на почтительном расстоянии.

Розмич не замедлил воспользоваться этим. Налетал, сёк, рубил, резал, а когда и просто в морду кулаком.

Чуть поодаль дрался Ултен. Дрыном вертел, как мельница крыльями. Заметив это, Розмич сперва и не поверил, что благостный кульдей, читавший нудятину о милосердии и прощении, бьёт всерьёз. Словно подслушав мысли, Ултен хватил подвернувшегося дикаря про-

меж ушей, раздался отчётливый треск, враг повалился на землю. «Не дерево, черепушка!» – после таких подвигов Розмич зауважал монаха. Во какой яростью глаза полыхают!

Когда из двух дюжин противников на ногах остались только пятеро, кульдей прекратил играть в деревенского верзилу с оглоблей, только тут показал он подлинное умение и невероятную быстроту, какие в нём бы никто не мог заподозрить прежде. Удары наносил то одним, то другим концом, опрокидывая разбойника за разбойником. Последнего, уже лежащего, безжалостно саданул в душу и едва не прошил насквозь.

– Всё, – заключил кульдей, задыхаясь, и повалился на колени рядом с мертвеющим телом бьярма, а полулысой башкой упёрся тому прямо в грудь.

Ловчана тоже шатало, а Розмич держался – не верил, что всё закончилось, готовился в любой миг прыгнуть в темноту, настигнуть и порвать.

– Лодью бы проверить, вдруг кто на воде схоронился!

– Успеется, – прохрипел Ловчан.

– Не... Я гляну. Нам без лодьи никуда! – молвил Розмич. – А ты пока здесь приберись...

Ловчан кивнул. Вокруг костра песок был взбит бесконечной пляской смерти, усеян телами и залит багряной жижей. Некоторые бьярмы ещё жили и, догадываясь о будущем, завидовали мёртвым.

В другое время Ловчан, быть может, уважил бы пытками, в отместку за причинённое зло намотал бы кишки на кулак, а внутрь бы грязюки натолкал. Но усталость тяжкой ночи легла на плечи, а оставлять живых до утра – всё равно что лютого зверя за усы дёргать.

Из темноты осторожно подал голос Вихруша, следом Жедан. Кульдей не стал освобождать всех – взрезал пути первому попавшемуся и вложил в ладонь нож. Прежде чем корабельщики успели освободиться и подобрать хоть какое оружие, схватка закончилась. Теперь стояли поодаль, сжимая копья и топоры, подойти к спасителям без разрешения боялись.

Розмич смотрел на соратников сквозь красную пелену, застелившую взгляд, никак не мог сообразить, кто выжил. Понял только – мало их осталось, своих. Зато из чужаков – теперь никого.

Из пересохшего горла кульдея вырывались не слова, карканье немногим лучше бьярмского. Будь Розмич трезвее, испугался бы. Но пьяный от пролитой крови, шатаясь, подошёл к монаху, одобрительно хлопнул по плечу и, уже повернувшись к выжившим, бросил:

– Оденьте их.

Он кивнул на трупы своих, обобранных до нитки. Кажется, даже в пылу битвы их покой не потревожили, не потоптали.

– И хвороста наберите побольше. Проводить треба с почестями!

Остатки отряда расползлись во тьме. Только Жедан с лънущей к нему племянницей да молчаливая ромейка остались на свету. Затея дрожала почище заячьего хвоста, а ромейка таращила глаза – обе скорее помрут, чем уйдут от спасительного огня.

Смертью воина не испугать – учёный! Да и корабельный люд, что из лета в лето с водокрутами удачей меряется, – тоже. Это в городах и деревнях народ пугливый, даже сон малой смертью считают. А уж коли и впрямь навий явился, особенно тот, что не сам по себе отошёл, голосить начинают, обереги особые из сундуков вынимать. Думают, как похоронить правильной, как упокоить, дабы упырь не обернулся.

Тут, на берегу Онеги, всё было много проще...

Из дюжины Розмича выжили только пятеро. Сам, да Ловчан с Вихрушей, и Губаня с Милятою. А из людей Жедана один лишь кормщик Иным миром не прельстился, да и то... случайно. Приложили в темечко в самом начале схватки, да так, что до самой темноты в беспамятстве пролежал. Только когда бьярмы разоблачать начали, понял – живой таки.

Остальные... Светлого им ирия! Кто сразу, как Буй с Вышатою, – врасплох застали, со спины подошли и прикончили расчётливыми ударами клеветцов. Кто позже, в пылу схватки, от многочисленных ран. Кому бьярмский топор половину черепашки снёс. Пытались сыскать недостатку да приладить обратно, чтобы перевозчика иномирного не пугал белёсо-серым студнем, – не смогли. Пришлось шлемом прикрыть да наказ покойнику дать – не снимай, пока на Тот берег не переправишься. А на Том берегу всё разбитое целым становится. И горшки, и головы.

По уму, для павших должно сложить краду, после – возвести курган. Но место здесь чужое, из людей только корабельщики бывают да бьярмы-дикари. Узрев на обжитой стоянке могильник, мореходы осерчают, нехорошим словом помянут и покойников, и тех, кто хоронил. Бьярмы осквернят – наживутся, а заодно своих убитых уважают, опозорив врага. Потому решили хоронить на воде. Как сойдётся она с пламенем – разверзнется Иномирье, откроется дорога на Тот свет.

Долблёнки бьярмов, узкие и длинные, вмещали четверых. Правда, укладывать приходилось вплотную, на одну, общую подстилку из хвороста. Восьмерых воинов в доспехе, с оружием, и десятерых корабельщиков...

Жедан самолично выкатил из трюма лоды две бочки дорогого заморского масла. Вылили всё до капельки. Он же, молча, достал кошель, протянул Розмичу шестнадцать серебряных дирхемов. Своим людям монеты на веки положил сам, и рука при этом дрожала вовсе не от жадности.

Пока Розмич с Вихрушей и Губай с Милятою вели лодки от берега, отдавая их во власть течения, Ловчан готовил стрелы – обматывал каждую промасленной тряпицей. Седатый кормщик, опираясь на шест, которым прежде разил кульдей, держал горящую ветку.

Теченья на Онеге слабые, но в этот раз, видать, сами водяные вмещались. Вода подхватывала отведённые от берега долблёнки и вела, и тащила их дальше и дальше.

Когда первый крылатый огонёк взвился и пал в темноту, возродившись могучим симарглом, показалось – вспыхнула не только лодка, но и сама вода. Второй, третий... Плывучие костры удалялись медленно и неотвратимо, унося души погибших в Вышний мир.

В какой-то миг Розмичу почудилось, будто видит ещё одну – большую – лодью. И будто правит ею недавний знакомый – одноглазый старик. Но стоило воину моргнуть, морок исчез. Не стало старика. И лодки не было.

Ултен глядел на море печальными глазами. Молитву читал беззвучно, крестился почти незаметно. Дрожал всем телом, едва не падал.

Ромейка тоже молилась следом, а Затея цеплялась за её руку, как дитя за материнский подол.

Жедан не скрывал слёз, и кормщик.

Люди стояли на берегу до тех пор, пока погребальные огни не угасли и тёмная вода Онеги не поглотила останки.

– Тризну бы справить, – вздохнул купец. – Иначе ни нам, ни им покоя не будет.

Мужики едва на ногах держались – плясок не предвиделось. Зато в охотку ели наскоро приготовленную кашу и печённую на вертелах рыбу. Запивали не водой, как обычно, а злющей хмельной бражкой из купеческих запасов. Жедан и теперь не поскупился – целый бочонок из трюма достал. Брату обещал ладожскую, да чего уж теперь, ради общего дела... Эх!

Каждый словен знает: поминальная еда да питьё призваны напомнить оставшимся на свете Этом, что живы. Коли получится отогнать горе, значит, и саму Морену отвадить получится. Иначе навьи, что приходят на пир поглядеть, за своего примут – уведут.

А если рядом неупокоенные души чужих мертвяков бродят, есть и пить вдвое больше нужно. И веселиться погромче, чтоб уж точно поняли – жив и в запредельные чертоги не собирается ни в коем разе!

– Пей, – наставлял Жедан племянницу, подсовывая под нос ковшик с бражкой. – А то вон их сколько, вокруг...

Затея брала ковш сперва дрожащими пальчиками, после уже смелее. И озиралась с каждым разом всё реже, хотя от страха то и дело зубы сводило.

Ещё бы тут не испугаться! Маленький костерок, у коего из двух с лишним дюжин меньше половины своих осталось, а в сторонке гора порубанных бьярмов. Хотя одеты, срамным местом не светят. Но каждый из темноты скалится – душара. А те, кто глаза перед смертью не сомкнул, ещё и таращатся. И ночь, как назло, безлунная, и звёзды за толстым одеялом облаков попрятались...

– Ешь, – купец едва ли не насильно впихнул миску с очередным куском рыбы, только Затея оторвалась от ковшика. Проследил, чтобы ложку в руку взяла.

Бывшим бьярмским пленникам было, пожалуй, проще всех. Страху натерпелись, и всё. Розмич с Ловчаном тоже не сильно тряслись – отошли, чай не впервой. Зато Ултена колотило.

Хоть кульдей и владел дрыном не хуже, чем дружинники мечами, прежде, по всему виду, никого не убивал. Розмич сразу смекнул, по глазам прочитал. Был бы на месте кульдея кто помоложе да попроще, сказал бы: это только в первый раз страшно, дальше как семечки щёлкать будешь... И себя вспомнил.

Когда впервые клинок вражеской кровью обагрил, желудок наизнанку вывернулся. Не сразу, конечно, ночью, когда осознал. И хмель в ту ночь не брал, сколько ни пил, тоже впервые – трезвый. Будто назло. Лицо того, первого, до сих пор во снах является. Изредка. Не весь какую прибил – земляка. Тогда и Полат крови испил, жалел, что не Вадимовой. Главарю восставших Рюрик шею свернул при всём честном народе и сказал, что так и было.

В этот раз Розмича тоже подташнивало, и тоже не от выпитого...

– Не вини себя, – шепнул Ловчан. Он в который раз читал мысли. – Всё наоборот. Будь ты здесь, и вовсе не отбились бы.

– Я отряд оставил, – так же, шепотом, отвечал Розмич. – Значит, виноват.

– Нет, – отрезал собеседник. – Сами виноваты, чай не девочки. – Подумав, добавил: – От судьбы не уйдёшь.

– Какой ещё судьбы? – отмахнулся Розмич.

– От той... тёмной Мокоши... или светлой... И вообще, кто у нас волховать собирался?! Ладно! Постой!

Голос Ловчана стал ещё тише, но до костей пробирал не хуже железного скрежета.

– Сивый ещё три лета тому помереть должен был. Помнишь, лёд под ним проломился? Сколько тогда в студёнице побарахтался?

– И что?

– А то! Ты его полумёртвого вытащил, помнишь? А как рядом оказался, припоминаешь?

– Нет, – отозвался Розмич.

– Да ты случайно с дороги свернул. Говорил после – на красоты Алоди полюбоваться решил. И мы всё допытывались, какие там, к лешему, красоты?! Вспомнил?

– Нет.

– Вот ведь упрямец! А Сивый об этом до вчерашнего дня помнил!

– Да к чему ты клонишь? – спросил Розмич зло. Ловчан словно не слышал, продолжал:

– Горюня в прошлом походе с коня слетел, подпруга подвела. И разбился бы, если б ты с другого конца поля не примчался. Зачем примчался, спрашивали, а ты отбрехался, дескать, почуял, что там враги.

– Ну...

– Престу ни с того ни с сего под дых дал. Он плевать начал, и тут выяснилось – в лёгких гниль какая-то. Когда просто дышал – ничего не видно, а как надорвал, гнильца и пошла. Благодаря этому знахари Преста и выходили. А кабы не ты – помер бы потихонечку.

Розмич не выдержал, вскипел:

– Да какого...

– А такого, – ничуть не смутился Ловчан. – Один ты не заметил, что Олег, на то он и вещий, с тобою отрядил только тех, кто по твоей милости на свете этом ещё бегают. Бегал.

Розмич будто пощёчину схлопотал. Замер. Ведь прав Ловчан. И про Сивого с Горюней, и про Преста. Про других тоже истории есть, одна другой дурнее. Сам-то Розмич об этом и не вспомнил бы.

– И меня... – за треском костра голос Ловчана стал едва различим.

– Когда это? – вытаращился Розмич.

– А совсем недавно. В Кореле. Живот у меня прихватило, помнишь? Я к кустам собрался, а тут ты. За плечо взял, и не пускаешь, и лабуду какую-то говоришь. Я рвусь, объясняю: мол, ещё немного, и обделаюсь, а ты своё. Да размеренно так, спокойно, я аж задремал малёк. И живот задремал, успокоился. А после ловушку там нашли, яму. Кабы дошел до тех кустов – не вернулся бы. Я не воротился – с колом бы в заднице дни окончил.

Розмич слушал как замороженный. После тряхнул головой и едва не врезал Ловчану по челюсти.

– Тьфу на тебя! Сказочник! – выпалил он, выхватывая у друга ковшик с бражкой. – Хлебаешь, как конь! И брешешь не хуже дворовой псины!

– Лучше уж так, – пробормотал неимоверно довольный собой Ловчан.

Он же первым затянул песню. Не шибко весёлую, но проникновенную. Ему подпели Вихруша с Милятом.

Побывавшие в плену дружинники тоже чувствовали свою вину, но убиваться не спешили. Врагов слишком много было, отбивались как могли, себя не жалели. Если бы бьярмы скопом не навалились – ни по что бы не пленили. А когда на каждой руке по трое висит, никакая ярость не спасёт.

Ултен заметно повеселел, а когда в свой черёд отхлебнул из ковшика, огладил мокрую бороду и загорланил песню, путая родную речь и венедскую. Особенно сильно выходил у него припев, что-то вроде: «Только мы, только мы, мы с котом... по полю идём...»

– Это история, – пояснил кульдей. – О тяжкой доле монаха, уединившегося ради богословия в своей келье. Лишь белоснежный Пангур скрашивает монастырскую жизнь, но каждый из них существует сам по себе.

И нет ни ссор, ни суеты,
Ни зависти меж нами.
И кот, и я увлечены
Любимыми делами.

Своим трудом я поглощен,
Святой наукой книжной.
И полон кот своих забот:
Его наука – мыши.

Врагу устроив западню,
Ко мне онмышь приносит.
А я – в сеть разума ловлю

Научные вопросы¹⁰.

– Отменно! – восхитился Розмич.

– Одного я не понял, – встрял кормщик, – что такое этот «кот».

– Хм... – растерялся Ултен.

Розмич про котов знал не понаслышке. Дорогую заморскую диковину, усатого зверя о четырёх лапах и при одном длинном хвосте, он как-то видел на руках у княжеской дочери, Мэлисы. Это была пушистая, похожая на мелкую рысь зверюга, издающая при поглаживании булькающие звуки, точно множество пузырьков поднималось из глубокого омута.

– Хм... – нашёлся кульдей. – Ну вот представь, есть ёж, он колючий, и он ловит мышей. А есть вонючий хорь, он тоже их ловит. А это кот. Он мышей приносит... в постель.

– И не воняет? – уточнил Жедан.

– Когда как. Не, не пахнет, зверь чистоплотный и ласковый, – ответил Ултен.

– Дядя! Купи мне! Только чтобы мышей в постель не приносил, – взмолилась Затея.

А Ултен, опорожнив ковш, таки довёл песню до конца:

Отдам коту свою еду,
Свои печаль и радость.
И так вдвоем в ладу живем:
Монаху друг не в тягость.

– Нехорошо! – возмутился Ловчан. – Кот монаху друг? Лучше бы ты, Ултен, себе подругу завёл.

– Сам сочинил? – не понял Розмич.

– Только что, – ответил довольный грубой шуткой Ловчан, хотя так и не успел после обряда вернуть себе прежнюю бодрость духа.

– Ага! – признался изрядно захмелевший Ултен, польщённый всеобщим вниманием.

...Несмотря на усталость и хмель, спать никто не собирался. Только Затея ближе к утру прижалась щекой к Жеданову плечу. Остальные продолжали шутить и петь, пока не обнаружили в бочонке дно. За вторым бочонком не полезли. Кормщик и вовсе – с середины ночи на воду перешел.

Когда небо просветлело, на душе стало чуть радостней. Правда, ненадолго.

Отбежавший до ветру Ловчан обнаружил в ельнике трупы прочих бьярмов, тех, кого порубили в самом начале. Соплеменники уложили их на мягкую подстилку из срубленных еловых веток, готовились переправить в своё селенье. В отличие от словен, коих ободрали до нитки, этих клали с почестями – даже руки особым образом сложили.

Ловчан не постеснялся выказать мертвякам ещё одну «почесть»: в некоторых селеньях верят, будто словенская моча до того целебна, что вместо живой воды использовать можно. Дружинник не знал, врут или правда, но выяснил – на бьярмов не действует, даже если прицельно в рот лить.

Возвратившись к костру, поспешил поделиться новым знанием с соратниками. Тут-то и началось...

Ултен вскочил. С третьего раза, но всё-таки. Обвёл стоянку хмельным взглядом, икнул так, что с ближней ели ворона упала, и спросил:

– А этих-то когда хоронить будем?

Ответ застал священника врасплох.

¹⁰ Фрагмент анонимной староирландской песни IX века «Pangur Bán» приведён в переводе Виктора Заславского.

– Никогда, – сказал Розмич бесцветно.

– Вон, воронье похоронит, – кивнул Ловчан. – Если раньше чаёк поспеет.

Вкупе с «рогатой» рыжей бородой вылезавшие из орбит глаза выглядели особенно впечатляюще.

Первой хихикнула Затея. Спустя мгновение земля содрогнулась от дружного мужского хохота. Розмич гоготал, задрал голову к небу. Жедан похрюкивал и придерживал живот. Вихруша заливался тонко, как баба. Ловчан с Милятом и Губаем могли посоревноваться с целым табуном жеребцов. Кормщик хохотал беззвучно, утирал весёлые слёзы. Только рабыня-ромейка оставалась всё той же молчаливой тенью, какой была всю дорогу.

– Но... почему? – выпалил Ултен возмущённо, едва гогот поутих.

Дружинники снова грохнули, спугнув стаю ворон, что уже почуяла скорый пир и расселась на ближних соснах.

– Почему? – повторил кульдей. Уже негодуя.

– А на кой ляд они нам? – вопросом на вопрос ответил Розмич. – Чужие! Не наши! Какая разница, что с ними станет?

– Перед Господом все равны!

Искренность, прозвучавшая в голосе кульдея, перебила смех. Теперь на него взирали изумлённо. Ловчану очень хотелось покрутить пальцем у виска, но сдержался.

– Перед Богом все равны, – сказал Ултен. – Живой может быть врагом или другом, живой может быть виноватым или правым. Он может заблуждаться или предавать... Но умерший... За содеянное в земной жизни они уже расплатились смертью. Людям не за что их ненавидеть. Нам надлежит простить и похоронить их.

– И чё дальше? – не выдержал Ловчан.

– Остальное – в руках Божьих, все пред ним в свой срок предстанем. Теперь они будут отвечать перед Ним. Но то – не нашего ума дело. Господь сам решит...

– Какой такой «господь»? – возмутился Ловчан. – У бьярмов другой бог... Юмола.

– Пусть! – перебил кульдей. Голос прозвучал строго, с вызовом. – Но нам должно похоронить! Негоже оставлять тела грязным птицам!

Все, включая ромейку и Ултена, уставились на Розмича.

Дружинник хмурился, всем своим видом показывая – мыслю! И прежде чем сердце кульдея наполнилось надеждой, ответил:

– Тебе надо – ты и хорони. А нам они – никто. И прощать их не будем.

– Но... – начал было священник.

– В твоей земле, может, иначе принято, а у нас, у словен, врагов не прощают. Эти, – он кивнул на груды тел, – ни жалости, ни уважения не заслуживают. Значит, могилы им не положено. И так будет с каждым, кто на наш народ покусится. Что же касается воронья... Ворон – птица вещая и абы кого жрать не станет. Если человек честен – даже глаз не тронет.

– Да с чего ты взял? – возопил кульдей.

– Сам как-то раненый на поле брани лежал, среди мертвяков, – буркнул Розмич. – Не тронули.

Ултен захлебнулся возмущением, хотел ответить, объяснить. И про трупы, и про ворон, что не тронули живого... Но вид поднявшегося от костра Губая к дальнейшим спорам не располагал.

– У меня на лодье пара лопат есть, – сообщил Жедан. – Я на всякий случай вожу, про запас. Бери, если надо.

Щёки кульдея вспыхнули маками, уши тоже запылали. Впрочем, на рыжих краска не сильно заметна. Может, поэтому их бесстыжими считают?

Неизвестно, сколько бы так стоял, но от костра поднялась ещё одна фигура. С молчаливого согласия Затеи ромейка бодрым шагом направилась к судну. Ултену не оставалось ничего иного, как поспешить за ней.

– Как в железа ударю, отходим! – крикнул вслед кормчий. – И ждать никого не будем! Как бы бьярмы своих ни хватились.

Глава 6

Ветер, как и предсказал кормщик, пришёл с запада – добрый ветер, крепкий. Но сегодня он есть, а завтра – след простыл. О волоках лучше и не загадывать. Если какой помощи не сыскать на том, дальнем онежском берегу. Да только откуда?

Семерым мужикам тяжёлую лодью не сдвинуть, а если среди них пузатый купец и уморившийся кульдей – тем более, тощий кормчий не в счёт. Хочешь иль не хочешь, пришлось Жедану половиной груза пожертвовать. Тут-то купец, за всю дорогу не проявивший положенной жадности, показал истинное лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.